

0271

№ 7

СѢВЕРНЫЙ

1914 г.

УСЛАЯРЪ.

Еженедѣльный журналъ
учащейся молодежи
въ пользу семей
павшихъ въ бою
воиновъ.

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр.
Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Кон-
тора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч.
веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч.
Тел. 530-66.

Цѣна 10 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

ЕЖЕНЕДЪЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ,

вся чистая прибыль отъ продажи котораго идетъ въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Съверный Гусляръ—органъ **надпартійнаго** студенчества, имѣетъ цѣлью объединить ищущихъ, — выявить настоящее учащейся молодежи, — отыскать новые пути къ лучшему будущему за гранью перелома, — дать возможность — на почвѣ трудовой коопераціи — заработать неимущимъ учащимся и способствовать выявленію самобытности въ литературѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.

Въ розничной продажѣ у студентовъ цѣна 10 коп.

Журналъ распространяется самими студентами, при чемъ редація проситъ нуждающихся товарищей записываться въ число сотрудниковъ и принимать участіе въ распространеніи журнала.

За время выхода въ свѣтъ 7 номеровъ Съвернаго Гусляра, чистой прибыли **въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ** получено болѣе **2500 рублей**. Деньги хранятся въ Государ. сбер. кассѣ и будутъ распредѣляться между нуждающимися семьями самими студентами. Артелью по распространенію журнала, состоящей изъ товарищей матеріально не обезпеченныхъ, заработано за это время около **1200 руб.**

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Попова, Невскій 66, „Жизнь“ Петр. стор. Б. пр., д. 3, „Новый Путь“ П. С. Бол. пр. д. 1, Вольфа, Невскій 13, „Новое Время“ Невскій 40, Карбасникова, Гост. дворъ 19.

Приемъ объявленій, подписки и продажа №№ производится въ отдѣленіи конторы, при типографіи, Литейный 33.

Съвержый Тусляръ

№ 7

0971

22 Декабря 1914 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Волхвы (стих.), Я.—На распутьѣ, К. Прудовскаго.—Проклятое наслѣдство, Римуса.—
На грани, Лебединова.—Три идеи въ русской философiи, проф. К. Жакова.—Камень (стих.), В. Яшина.—
Розы, Валерiя Снѣговая.—Я огнепоклонница (стих.), К. Л.—Часы, В. Яшина.—Дождь (стих.), Татiаны
Б.—Анапесты любви (стих.).—Дума, Хр. Бѣлозерова.—Министръ (басня), А. Стрѣшнева.—Жизнь высшей
школы.—Письма въ редакцію.

Волхвы.

Нашли ли мы въ туманной дали

Обѣтованные края?..

Читая книгу бытія,

Мы вѣщихъ строкъ не примѣчали,

Мы не волхвы...—И плачу я

И страждетъ міръ въ своей печали.

Но, какъ волхвы, мы въ этомъ мірѣ

Искали Бога и Царя...

Дымится кровь у алтаря...

Въ пурпуроблещущей порфирѣ

Горитъ закатная заря...

А міръ—темнѣй, бездоннѣй, шире...

Я.

На распутьѣ.

Въ исторіи народовъ встрѣчаются иногда такіе тупики, что изслѣдователю подобныхъ эпохъ не разъ приходится чураться, дабы разбираясь въ кружевѣ настроеній и мыслей эпохи совершенно не заплутаться въ непроходимыхъ дебряхъ противорѣчій и душевнаго разлада человѣческой личности.

Для историка подобныхъ эпохъ ясно лишь одно: идетъ борьба долгая, упорная. Но ею захватываются только окраины, самый же центръ неуязвимъ. Тамъ тишь. Тамъ мертвый покой. Тамъ полное отрицаніе борьбы и великихъ дерзаній. И кажется издали, что нѣтъ ни побѣдъ, ни пораженій. А есть только какое то неясно сознанный чувство стремленія къ чему то высшему, недостигаемому съ одной стороны и томленіе по прошлому, по „дѣтски-невинномъ“ съ другой. Сжигаются корабли былыхъ общественныхъ завѣтовъ, сами собой отпадаютъ, какъ ненужный, ничѣмъ не оправдываемый наростъ запросы большого „Я“ и на сцену выступаетъ „я“ маленькое, личное, узкое и прикрываясь чернымъ покрываломъ самообмана стремиться въ высь—въ необъятный просторъ „проклятыхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ“, закрывается въ раковину высшихъ религіозныхъ исканій.

Такую характерную эпоху дерзаній высшаго переживаетъ въ настоящее время наша интеллигенція, наша интеллигентная молодежь. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что переломъ проис-

ходящій въ міровозрѣніи интеллигенціи есть въ сущности пѣсенка-погудка на старинный ладъ, что это старый—былой напѣвъ:—„наше время—время не широкихъ задачъ“. Напротивъ, задачи эти широки, даже слишкомъ широки, кругозоръ поставленный ими обширнѣе, но заключенъ этотъ кругозоръ въ такой плоскости, въ такихъ рамкахъ, что ширь и глубина его пропадаютъ въ своей беспочвенности, оторванности отъ жизни и ея насущнѣйшихъ запросовъ. Голая идея исканій высшаго начала жизни, исканій Божества, въ сущности свелась, въ конечномъ итогѣ, къ полному отрицанію общественности, отрицанію земли съ ея круговоротомъ ежедневныхъ идей и мыслей, къ отрицанію борьбы и погруженіе въ личное самоусовершенствованіе.

Новаторами и носителями новыхъ вѣяній и началъ, конечно, является молодежь, молодая интеллигенція. Она на своихъ плечахъ выноситъ тяжесть перелома и трудными тернистыми путями доходитъ до того или иного міросозерцанія. И въ данномъ вопросѣ для насъ важна интеллигенція не какъ таковая, а какъ представительница молодыхъ силъ—ибо въ нихъ залогъ и знамя грядущаго. По нимъ, этимъ молодымъ порослямъ, можно судить какъ о дняхъ нашей жизни, такъ и дняхъ будущаго.

Художественная литература въ этомъ случаѣ очень чуткій барометръ. Она улавливаетъ живыя черты строительства, воплощая ихъ въ художествен-

ныхъ образахъ. Развѣ Маркъ Волоховъ Гончарова, или Базаровъ Тургенева, типы случайнаго творчества? Нѣтъ—оба они представители всей молодой интеллигенціи своей эпохи. Въ нихъ въ главныхъ чертахъ отразились завѣтныя думы и мечты, чаянья и надежды, дерзанія и стремленія эпохи. Вѣдь если вокругъ этихъ художественныхъ образовъ и была поднята горячая полемика, то касалась она исключительно примѣси субъективныхъ чертъ и неправильной субъективной оцѣнки автора.

70 годы дали намъ народниковъ съ ихъ идеологіей народа, съ самобичеваніемъ за грѣхи отцовъ и желаніемъ искупить этотъ грѣхъ передъ народомъ. Увѣренные въ духовной мощи народа и въ тоже время въ его неспособности самому выбраться изъ болота инертности, семидесятники поставили своей задачей и задачей всей интеллигенціи—принципъ духовнаго руководительства народомъ и опеки его интеллигенціей отъ всѣхъ тлетворныхъ вліяній жизни. И дѣйствительно, лучшіе представители этой эпохи не знали, что значитъ „жить личной жизнью“. Они не въ силахъ были разрабатывать вопросы индивидуальнаго характера. Вопросъ о „личномъ“ счастье, о „личномъ“ довольствѣ исчезалъ или, вѣрнѣе, растворялся въ одномъ общемъ вопросѣ—въ вопросѣ о судьбѣ народа, стоны котораго стономъ отдавались въ душѣ интеллигента и были какъ бы его личной болью.

„Зрѣлище бѣдствій народныхъ

„Невыносимо мой другъ.

„Счастье умовъ благородныхъ

„Видѣть довольство вокругъ“.

Пѣлъ поэтъ народникъ, терзаясь невозможностью искупить вину передъ тѣми,

чьи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусство, науки, предаваться мечтамъ и страстямъ“. Но для того, чтобы искупить хоть часть вины, „кающіеся“ сознавали, что необходима „жертва собой“, что въ такіе времена „нѣтъ ничего желаннѣй, прекраснѣе терноваго вѣнка“. И это сознаніе устами Некрасова запечатлѣли въ апоэозѣ народниковъ-революціонеровъ, „погибающихъ за великое дѣло любви“.

Но непониманіе насущнѣйшихъ вопросовъ въ жизни опекаемыхъ, ихъ крайняя идеализація съ одной стороны и недовѣріе къ желающему опроститься барчуку съ другой, скоро, очень скоро привели къ краху. И стоило подуть вѣтерку реакціи, какъ принципъ служенія темной массѣ смѣнился горькимъ разочарованіемъ и его замѣнилъ новый принципъ. Въ разгарѣ реакціи въ 80—90 годахъ мы слышимъ уже иную пѣсню—„наше время—время не широкихъ задачъ“. Извѣрившаяся въ какое бы то ни было пробужденіе, интеллигенція отходитъ отъ народа, забирается въ раковину своихъ мелкихъ будничныхъ интересовъ и задачъ. Наступаетъ тягучее безвременье... Слышатся унылыя пѣсни Чехова... И среди мертвой тишины тоскливо звучатъ голоса „Трехъ сестеръ“, изъ душевной трясины обыденщины, изъ мертвой пустыни безразличія, рвущихся въ Москву своихъ желаній, въ Москву свѣтлой, чистой, дѣятельной жизни и съ ужасомъ сознающіе, что никогда имъ не увидѣться. А въ это время тамъ, гдѣ то далеко-далеко, въ глубинахъ, нарождается новая сила народная, самобытная, неопекаемая, выросшая на виду у всѣхъ, но никѣмъ незамѣченная.

Раздается могучій призывъ Горькаго

Съ затаеннымъ чувствомъ надежды прислушивается къ нему интеллигенція. Въ душѣ вновь загораются порывы, пробуждаются желанія. И разбуженная этимъ зовомъ, она вновь идетъ въ народную толщу. Но, увы! слишкомъ много воды утекло за послѣднее время, и народъ не узналъ ее. Отвергъ ея опеку и устами Θомы произнесъ надъ нею свой жестокой приговоръ. Въ глубинахъ народныхъ массъ народились свои вожди; сильные духомъ и тѣломъ они не пожелали опеки.

Налетѣлъ 1905 годъ, а за нимъ—горькое похмѣлье. Еще глуше, еще плотнѣе закрылась интеллигенція. Разбитая, разочарованная, что могла породить въ эту пору, пору провокацій и шпіонажа. Не вѣрилось ни во что. Да и къ чему нужна была вѣра?! Являлось безумное желаніе жить и только жить. Зачѣмъ, къ чему общее благо, мечта о всеобщемъ счастіи, разъ ихъ нельзя воплотить въ жизнь. Къ чему жертвы, если тотъ, за кого онѣ принесены, отрицаетъ ихъ?.. Да и принесли-ли онѣ кому либо пользу?.. Вѣдь результатъ одинъ и тотъ-же—также поругивается святое святыхъ, таже ницета духовная, не-обезпеченность матеріальная...

И интеллигенція бросается въ новую крайность. Провозглашается новый принципъ жизни, принципъ личнаго счастья съ девизомъ: „Лови моментъ“. Брать все отъ жизни, исчерпать всю полноту наслажденій во всей ихъ многогранности и что за дѣло до какихъ-бы то ни было общественныхъ задачъ, служенія массѣ. Почему можетъ быть преступна и безнравственна жизнь личная, если она такъ красива, такъ хороша?.. Результатомъ всего этого на фонѣ жизни является Санинъ, а за нимъ вырисовывается отвратительная

физиономія Пупсика всѣхъ слоевъ и ранговъ.

Но мучительная агонія прошла. Чудовище пожрало само себя. Понемногу сгладилось впечатлѣніе пережитаго. И опять потянуло вѣрить. Опять захотѣлось мечтать о человѣческомъ счастіи. Выплываютъ новые типы—Чижа и Наумовъ Арцыбашева (У послѣдней черты). Сашка Жегулевъ Андреева.

Что такое вѣра Чижа? Это вѣра безволія, вѣра красивой мечты, вѣра безъ дѣлъ, безъ активныхъ стремленій. Онъ можетъ протестовать когда на него со всею очевидностью обрушивается мѣщанство жизни, но протесты эти, какъ и сама вѣра Чижа, ничтожны и безвольны. И стоитъ ему только оглянуться и зловѣщій вопросъ—а гдѣ же жизнь то? выплываетъ изъ за холодной дали прожитаго. Оказывается, что жизнь стройная, красивая, захватывающая ушла отъ него. И хотя онъ еще вѣрить въ нее, вѣрить въ возможность человѣческаго счастья, но это лебединая пѣсня извѣрившагося въ своей вѣрѣ интеллигента. Далекій отъ жизни, порвавшій съ ея запросами, онъ ниже и ниже опускается въ тину общественнаго безразличія.

Наумовъ-же, съ своей проблемой личности, доходитъ до того, что самый лучшей выходъ изъ паутины душевныхъ неурядицъ—самоубійство. Только имъ можетъ заявить онъ протестъ Богу, выразить свое своеволие. Но все же въ тайнѣ онъ безумно любитъ жизнь. Жизнь сама по себѣ цѣнность. Нужно обезцѣнить ее. А для этого необходимо вытравить все, что манитъ къ жизни. Получается жуткая пустота. Жизнь бессмыслица... Зачѣмъ жизнь?.. Большое „Я“ Наумова не умѣщается въ маленькомъ „я“. Самъ собой напраши-

вается вопрос о вызовѣ жизни, общему благу, такъ жестоко попирающему чело-вѣческую личность, ея индивидуаль-ныя черты и особенности Наумовъ бро-саетъ перчатку общему благу, разувѣ-рившись въ его плодахъ. Въ немъ умираетъ личность, всѣми фибрами своего существа, внутренняго „Я“ протестую-щая передъ порабщеніемъ „я“ личнаго, индивидуальнаго, общимъ „я“. Наумовъ погибаетъ въ гнетущемъ разладѣ между „Я“ большимъ и „я“ маленькимъ, про-клиная жизнь и въ то же время вѣря, или вѣрнѣе, сознавая ея неодолимую красоту, Безвольный Чижъ умираетъ съ такой же вѣрой, съ какой прожилъ всю свою маленькую, одинокую, сѣрую жизнь.

Но между этими типами интеллиген-ціи послѣ—революціоннаго періода, то гордо бросающихъ вызовъ самому Богу, доходящихъ до высшаго индивиду-ализма, то покорно съ былой вѣрой, во что неизвѣстно, уходящихъ отъ жизни послѣ—революціонное похмѣлье, породило еще одинъ типъ. Это, личности, для которыхъ слово „жизнь“—есть синонимъ творчества. Представителемъ подобнаго типа является „Сашка Жегулевъ“ Л. Андреева. Вся туманность, вся рас-терянность, весь разладъ душевной жизни лежитъ на Сашкѣ Жегулевѣ. Вся неудовлетворенность настоящаго и жажда непонятнаго, свѣтлаго будуща-го легла на его чуткую душу. „Каза-лось, не родился онъ какъ другіе, а проснулся: заснулъ старымъ грѣшнымъ, утомленнымъ, а проснулся ребенкомъ, и все позабылъ онъ, что было раньше, но чувство тяжелой усталости и невѣ-домыхъ тревогъ лежало бременемъ уже на первыхъ отроческихъ дняхъ его“, „Что можетъ быть лучше и характернѣй подобной атестаціи молодежи, пережив-

шей кошмаръ 1905 года. Какой то рокъ, неясный, непонятный виситъ надъ маль-чикомъ Сашей. Что то темное, нераз-гаданное, но знакомое, близкое завола-киваетъ его глаза и чувствуется въ блескѣ ихъ тайная вина передъ кѣмъ то, вина, которую необходимо искупить. Но какъ? Самоубійствомъ?.. Но какое то предчувствіе чего то великаго удерживаетъ его. Это предчувствіе—„зовъ взволнованной земли“. Съ мистическимъ восторгомъ прислушивается къ нему Жегулевъ, и не отдавая себѣ отчета, идетъ на этотъ зовъ. Происходитъ встрѣча съ Колесниковымъ. Колесни-ковъ—это реальная личность. Это есте-ственный придатокъ Жегулева. Онъ въ реальныхъ образахъ воплотилъ въ себѣ то, что въ самомъ Сашѣ жило какъ что то неясное, смутно созна-ваемое.

Саша былъ чистъ и какъ таковой могъ быть очистительной жертвой, могъ идти на закланіе. Реальнымъ Колесниковымъ необходимы эти чистыя жертвы, ибо ими они оправдываютъ свой грѣхъ, мучающій ихъ изломанную душу. И Жегулевъ слѣпо отдался Колесникову. Онъ боялся проявленія собственной силы воли. Стоило показаться ей—обна-руживалась пустота жизни. Все пре-красное было въ сердцѣ Саши. Отда-ваясь влеченію его, онъ былъ недося-гаемъ и высокъ. Во власть воли кого онъ отдалъ самого себя, хотя это ве-ликое для него и непонятно. Но отда-ваясь великому „Я“, Сашка не могъ, не въ силахъ былъ забыть свое маленькое „я“, своихъ близкихъ брошенныхъ ради этого великаго „Я“. Въ этомъ проти-ворѣчии трагизмъ души Жегулева. Ве-ликое „Я“ зоветъ къ себѣ, требуя „жертвъ искупительныхъ“. Сашка под-чиняется его зову. Но гдѣ то тамъ, въ

глубинѣ его сердца подымается маленькое „я“ и протестуетъ противъ требованій „Я“ большого.

Въ этомъ ключъ къ разгадкѣ личности Жегулева, въ этомъ обоснованіе его грабежей. Въ нихъ гибли и виновные и невинные. Но это необходимо. Ихъ гибель—возстановленіе справедливости. Ихъ гибель—зовъ къ общественной совѣсти, дабы прекратились издѣвательства надъ человѣческой личностью. Жертвы невинныхъ нужны во имя подавленной личности. Но... но можетъ-ли человѣкъ творить на нихъ жизнь?... Сашка не смогъ.

Его силы изсякли раньше окончанія дѣль его. Сашка, какъ представитель молодыхъ силъ послѣ-революціоннаго періода, не разрѣшилъ, а лишь запуталъ проблему жизни, проблему взаимоотношеній между „Я“ большимъ и „я“ малымъ, между общимъ и личнымъ, индивидуальнымъ. Ему, какъ и большинству его современниковъ, стало нечѣмъ жить, не къ чему стремиться, ибо отдано было все.

Нужно было искать новыхъ путей, новыхъ выходовъ. Давила пустота жизни, никчемность, ненужность существованія. Необходимо было оправдать его. Но чѣмъ? Самоцѣнностью жизни?... но, вѣдь, для этого нужна вѣра въ красоту ея внутренняго содержанія. А вѣры нѣтъ. И страшный, роковой вопросъ: что дѣлать? зловѣщимъ призракомъ сталъ передъ интеллигенціей. Разбиты старые былые кумиры, затеряны прежнія тропы и дороги. Новаго же не найдено ничего. Впереди тьма и давящая неизвѣстность, назади... назади свѣтлыя воспоминанія юности. И на фонѣ безалаберщины русской жизни выплываетъ сѣрая личность студента Бенедиктова съ тоской о прошломъ, съ

призывомъ возврата къ милому, чистому, дорогому прошлому дней своей юности. (Сбор. „Слово“ 1914 г. Книгоизд. Тов. Пис. Мос.). Въ виду того, что Бенедиктовъ—явленіе въ современной жизни интеллигенціи не единичное, а представитель извѣстнаго теченія въ міровозрѣніи интеллигентной молодежи въ настоящую эпоху перелома, я не коснусь его дальнѣйшей характеристики и поговорю о немъ особо, тѣмъ болѣе и размѣръ журнальной статьи не позволяетъ мнѣ сейчасъ коснуться разбора этого типа, въ которомъ во всей яркости отразились черты упадка силъ и безисходной тоски нашей интеллигенціи. Нѣсколькими строками выше я упомянулъ о той растерянности, которая охватила интеллигенцію послѣ эпохи великихъ надеждъ и порывовъ. Впереди была тьма. Назади свѣтлыя воспоминанія. Но назади и Вѣра. Былой же вѣрой для большинства оказалось жить невозможно. Не было силъ поклоняться вновь разбитымъ жизнью кумирамъ. А вѣрить хотѣлось. Хотѣлось „осмыслить“ свое существованіе. И современная интеллигенція бросается въ мистику вѣры. Тамъ, въ туманныхъ долахъ, далекая отъ народа и земли, ищетъ она Новаго Бога и въ мистическихъ порывахъ топить пустоту своей жизни, ищетъ примиренія между „Я“ большимъ и „я“ малымъ.

Яркимъ показателемъ подобнаго поворота служитъ то примирительное отношеніе интеллигентной молодежи послѣ-революціоннаго періода къ религіи, которое въ до-революціонный періодъ было ярко и догматически отрицательнымъ. Въ данное время, безъ боязни быть осмѣяннымъ и обвиненнымъ въ измѣнѣ народу, идеаламъ и т. д., можно говорить среди современной

интеллигенціи о религіозныхъ вопросахъ. Причина такому отношенію ясна. Она кроется въ томъ историческомъ пути, которымъ пришлось брести нашей молодежи. Провозгласивъ принципъ полной общественности, служенія темной массѣ, она только и жила имъ. Вопросы личные не затрагивались. Да и не могли затрагиваться. Но годы послѣ революціонной реакціи и инертность отношенія народа въ корнѣ истребили былые идеалы. Потерялось ихъ обаяніе и власть. Распылилась идейная, организація. Интеллигенція расщепилась, индивидуализировалась. Сжегши старые корабли разувѣрившись во всемъ, интеллигенція за послѣднее время жила не общественными, а личными интересами. Естественно при такихъ условіяхъ натолкнуться на религію, на религіозныя исканья, могущія заглушить ноющую боль пустоты. Интеллигенція пошла навстрѣчу запросамъ опустѣвшей души. Конечно, религія эта не была религіей церковно-общественной. Это была религія личная, индивидуалистическая. Среди подобной религіи ищетъ душа современнаго извѣрившагося интеллигента отдыха отъ тревоженій, на лонѣ ея яраго индивидуализма, забывается она отъ общественности.

Яркимъ примѣромъ можетъ служить т. н. „Петроград. Христіанскій Студенческій Кружокъ“. Проявленіе дѣятельности Кружка становится замѣтнымъ съ 1908 г., когда Россію посѣтилъ Генеральный секретарь „Всемирнаго Христ. Студенч. Союза“ Моотъ и г-жа Rause одна изъ видныхъ дѣятельницъ христіанскаго движенія среди учащейся молодежи. Съ этого времени кружокъ вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ „Всемир. Хр. союзомъ“. Посылаются делегаты на его съѣзды, устраиваются помѣстные

съѣзды въ Финляндіи, выписываются проповѣдники, открываются подобные союзы въ другихъ университетскихъ городахъ: Москвѣ, Казани, Юрьевѣ, Кіевѣ, Одессѣ и т. д. Не стѣсняясь въ средствахъ союзъ расширяетъ дѣятельность какъ въ столицѣ такъ и провинціи, ставя своей цѣлью „сближеніе всѣхъ вѣрующихъ студентовъ на обще-евангельской неконфессіональной почвѣ и содѣйствіе распространенію живой и сознательной личной христіанской вѣры въ невѣрующей средѣ“.

Для болѣе яснаго пониманія идеологіи новой интеллигенціи нужно обратиться къ выпущенному въ 1910 году „Призыву къ студенчеству“. Конечно, въ немъ нѣтъ ярко выраженныхъ призывовъ порвать съ прошлымъ, но стоитъ только ближе присмотрѣться къ этому „призыву“, къ его принципамъ, и ясно станетъ какъ далекъ союзъ и его члены отъ общественности, отъ ея идеаловъ. Общественность для члена христіанскаго союза не больше какъ филантропія, кстати сказать, такая-же, какъ раздача голоднымъ книжекъ въ ночлежкахъ тѣми же членами. Общественности чужды интеллигенты „Всемир. Хр. Союза“ и все, что хотя косвенно напоминаетъ о существованіи былыхъ широкихъ идеаловъ общественности, встрѣчаетъ среди нихъ жестокой отпоръ. Этотъ союзъ удобное, уютное пристанище для тѣхъ, кто или изъ личныхъ выгодъ, или разбитый, извѣрившійся, съ надломленной душой, разочарованный, сдѣлался оппозиціонеромъ общественныхъ идеаловъ. „Всемирный Христіанскій Студенческій Союзъ“ это наивысшее торжество индивидуализма, это слѣдствіе послѣ-революціонныхъ дурныхъ годовъ.

Но будучи справедливымъ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что многіе изъ чертъ современной интеллигенціи бросившихся въ объятія религіи черезъ „Всемир. Христ. Союзъ“ могутъ объяснены быть только реакціей и ея слѣдствіемъ—разочарованіемъ. Стоитъ только посмотреть на литературу союза и мы найдемъ разгадку новыхъ мистическихъ дерзаний. Не касайтесь всѣхъ этихъ Фрисовъ, Брокмановъ и др. научныхъ идеологовъ религіозно-мистическаго движенія среди интеллигенціи, а возьмите письма студенчества. И какой свѣжестью, какой глубиной переживаній повѣсть на васъ. Здѣсь воочию чувствуется встрѣча съ Богомъ, нахожденіе Бога, утеряннаго среди пляски жизни. Нахожденіе всего того, чего не могла дать официальная церковь. Здѣсь замѣтенъ уже внутренній подходъ къ религіи, ея обоснованію. Въ данномъ случаѣ реакція не причемъ. Человѣку хочется осмыслить свое существованіе, осмыслить религіозно.

Такимъ образомъ передъ нами двѣ, если такъ можно выразиться, перво-причины стремленія интеллигенціи къ Высшему Началу—это реакція и какъ слѣдствіе ея разочарованіе, и во вторыхъ—желаніе, религіозно осмыслить свое существованіе.

Но, думается, что эта интеллигентная реакція общественности недолговѣчна, ибо разбуженныя религіозныя потребности въ ихъ широкомъ смыслѣ не удовлетворяются одностороннимъ принципомъ личнаго самоусовершенствованія. Нельзя также отрицать, что новому движенію не придется среди русской интелли-

генціи сыграть никакой роли. Но роль эта будетъ значительна лишь тогда, и тогда найдетъ прочную почву своихъ обоснованій, когда новыя религіозныя исканія интеллигенціи будутъ соединены со старой традиціей общественности.

Въ данной статьѣ я постарался намѣтить тотъ историческій ходъ эволюціи въ усмотрѣніи русской интеллигенціи на соотношеніе своего личнаго „я“ съ „я“ общественнымъ, на ея тѣсную связь съ общимъ „я“ народа, который привелъ къ постепенному индивидуализированію личности, достигшему своего апогея въ Наумовѣ Арцыбашева (У послѣдней черты) и разлада духовнаго, безсильныхъ протестовъ „я“ маленькаго передъ „Я“ большимъ, великимъ и таинственнымъ въ Жегулевѣ—Сашка Жегулевъ—Андреева) и, наконецъ, вылившемся въ высшую точку безразличія въ студентѣ Бенедиктовѣ („Студентъ Бенедиктовъ“ сбор. слово 1914 г.) съ одной стороны и въ наивысшую точку личнаго индивидуализма во „Всемирномъ Христианскомъ Студенческомъ Союзѣ“.

Нѣкоторыя же особенности и отклоненія отъ намѣченнаго хода эволюціи въ усмотрѣніи и міропониманіи русской интеллигенціи, намѣтившіеся за послѣдніе годы, я постараюсь охарактеризировать въ слѣдующій разъ ибо этотъ великій вопросъ невозможно охватить въ одной журнальной статьѣ и подробно освѣтить всѣ его стороны во всей ихъ многогранности.

К. Прудовскій.

„Проклятое наследство“

(Трагическій дуализмъ человѣка).

Человѣчеству досталось ужасное наследство! Въ теченіе всей своей исторіи оно старается избавиться отъ него, и... до сихъ поръ не можетъ. Кажется, Паскаль еще сказалъ, что въ человѣкѣ надъ ангельскимъ ликомъ тлѣютъ угли дьявола... Это изрѣченіе—глубоко вѣрно въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ изъ насъ сидитъ еще „звѣрь“, нашъ прародитель... Культура, гуманность—это гриммъ и бѣлила, которыя скрываютъ наше звѣриное „нутро“. Это своего рода налетъ, который можетъ быть, то болѣе, то менѣе твердымъ и прочнымъ, но, повидимому, еще не настолько толстъ и упругъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ временныя вулканическія изверженія „звѣриной“ лавы. Выйдя изъ міра животныхъ, самъ являясь въ началѣ однимъ изъ этихъ животныхъ, человѣкъ цѣлыя вѣка подвергался дѣйствию культуры и социальности, столѣтія дрессировался гуманизирующей мельницей, многое достигъ, освободился отъ многихъ звѣриныхъ свойствъ, но... полной побѣды надъ звѣремъ, повидимому, еще не достигъ... Иначе, какъ же объяснить тѣ временныя кризисы гуманности, которые нѣтъ-нѣтъ, да и наступаютъ въ исторіи человѣчества и въ жизни отдѣльнаго человѣка! Примѣромъ такихъ „перебоевъ“ могутъ быть въ индивидуальной жизни—преступленія, въ общественной жизни—войны.

„Судьба жертвъ искупительныхъ просить“.

Вѣдь, съ гуманной точки зрѣнія ясно, какъ дважды два, что война—зло, что лучше было бы, если бы исторія человѣчества не знала войны... Раскройте всѣ кодексы, священныя книги, писанія древнихъ и новыхъ учителей человѣчества и вездѣ вы найдете одну и ту же оцѣнку войны; она гласитъ: „война—зло, миръ—благо“... Такъ высказывается „человѣческая“ половина homo sapiens, и если бы человѣкъ былъ только „соціально-разумнымъ“ существомъ—онъ не воевалъ бы...

Но, увы!... „Человѣчность“ это плодъ поздній. А до него мы получили отъ нашихъ звѣриныхъ прародителей лишь „звѣриное“ наследство: животныя свойства вмѣстѣ съ закономъ борьбы за существованіе, царствующемъ въ мірѣ біологіи.

Передъ человѣчествомъ, въ началѣ его появленія, была поставлена великая, непомерно-трудная задача. Ему было сказано: „ты звѣрь и обладаешь всѣми свойствами звѣря, но ты не должно быть животнымъ. Ты должно возвыситься надъ царствомъ животности и создать новую грань міра—царство культуры. Разума тебѣ не дано... Руководителя—то же... Иди-куда хочешь, совершенствуйся, если можешь, твори новыя скрижали міровой правды! Если не можешь—погибай!“

И человѣчество принялось караб-

каться на новыя выси мірового бытія... Ощупью, наугадъ, спотыкаясь, тысячу разъ ошибаясь, временами поворачивая назадъ, оно принялось творить свою исторію.. Мало по малу оно приобрѣло разумъ и постепенно его увеличивало; пользуясь имъ, оно все болѣе и болѣе сознательно шло по дорогѣ гуманности и прогресса и въ общемъ итогѣ—освободилось отъ многихъ чертъ звѣринаго наслѣдства, сбросило многіе инстинкты, создало новую грань мірового бытія—царство правды, истины и красоты...

Но чего это стоило? Чтобы понять невозможность убійствъ, нужны были убійства, чтобы понять недопустимость звѣрствъ—нужны были звѣрства; нужны были моря крови, пирамиды череповъ, гирлянды изъ труповъ—чтобы усвоить заповѣдь:—„жизнь человѣка священна“. Нужны были жестокости, чтобы воспитать любовь и состраданіе къ сочеловѣкамъ, и нужны были войны—чтобы исчезли войны... Вся исторія человечества, съ этой точки зрѣнія есть сплошное шествіе по трупамъ и по крови, сплошной наглядный экспериментъ надъ сочеловѣками, сплошное шествіе по пути „унавоженному“ тысячами и милліонами труповъ.

Каждая цѣнность культуры омыта кровью и обвѣяна человѣческими страданіями; каждая пядь прогресса куплена дорогой цѣной... Ни одинъ математикъ, ни одинъ бухгалтеръ не сосчитаетъ цѣнности этой суммы!

И однако?... Однако, мы еще не вполне освободились отъ нашего ужаснаго наслѣдства. Нѣтъ-нѣтъ, да и вспыхиваютъ, покрытые пепломъ культуры, животныя инстинкты... Нѣтъ, нѣтъ, да и приходится вспомнить о великомъ лозунгѣ: „судьба жертвъ искупительныхъ просить“...

Грустно и тяжело... Грустно при мысли, что такъ медленно добываются культурныя цѣнности, тяжело, когда представишь себѣ всю цѣну добытой культурности...

Ужасное звѣриное наслѣдство, словно осьминогъ впилося въ человѣка тысячами щупальцевъ и присосалось тысячами присосковъ.

Отдирая эти щупальцы, вмѣстѣ съ ними приходится отдирать и свое живое тѣло съ кровью и мясомъ. Едва ли самъ сатана могъ бы выдумать пытку болѣе ужасную, чѣмъ эта...

Но... какъ бы ни былъ ужасенъ этотъ процессъ, все же есть одно утѣшеніе: чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ болѣе и болѣе освобождается человѣкъ отъ звѣриныхъ инстинктовъ и рано или поздно, но неизбежно долженъ наступить день полного отрѣшенія отъ своего „первороднаго“ наслѣдства и переходъ въ міръ единой человѣчности!

Когда этотъ день наступитъ—старый грѣхъ будетъ искупленъ и появится новый, свѣтлый человѣкъ!

Какъ бы ни ужасной казалась картина нашихъ дней, все же, подобно Галилею можно сказать объ исторіи: „Errur si moove,“ „а все таки исторія вертится“ и вертится въ сторону очеловѣченія, а не озвѣренія. Пусть долгая война ужасна, но все таки она нужна для побѣды той же человѣчности, свѣтлаго Ормузда надъ Ариманомъ нашей природы, надъ нашей звѣриностью. „День Воскресенія“ быть можетъ далеко, но онъ неизбеженъ.

Задача cadaго изъ насъ способствовать его приближенію, уничтожать всѣми мѣрами сидящаго въ насъ первороднаго звѣря, и ужасное наслѣдство, доставшееся намъ отъ дочеловѣческой исторіи!

Римусъ.

На грани.

I.

Многие называют насъ, уходящихъ отъ жизни, трусами. Я много думалъ надъ жизнью и смертью, прежде чѣмъ рѣшился подписать свой смертный приговоръ и нашель, что въ добровольномъ прекращеніи нѣтъ трусости—наоборотъ, трусами можно назвать тѣхъ, кто созналъ всю ненужную безцѣльность, всю пустоту и никчемность своего бытія и все-таки продолжаетъ жить. Они трусы потому, что боятся смерти и уничтоженія, боятся неизвѣстности, скрывающей въ себѣ быть можетъ новыя и еще горшія страданія и муки. Они похожи на жалкихъ нищихъ, эти люди, которыхъ такъ много у притворовъ храма. Жалобными голосами выпрашиваютъ они подавнія у проходящей жизни, дрожа при одной мысли о смерти.

Нѣтъ, я умираю не потому, что боюсь жизни, а потому, что дальнѣйшая жизнь была-бы трусостью передъ смертью. Продолжая жить, я сталъ-бы въ ряды нищихъ. вмѣстѣ съ ними стоялъ бы въ притворахъ и папертяхъ и кланчилъ подавніе.

Это ошибка, когда утверждаютъ, что жизнь не имѣетъ цѣли, не имѣетъ смысла, что нужно жить только для того, что-бы жить. Жить безъ цѣли не будетъ жизнью, тогда было-бы небытіе. Приглядываясь къ жизни во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ, я пришелъ къ выводу—жизнь постольку жизнь, постольку она желаніе, постольку въ ней

есть цѣль, которой слѣдуетъ овладѣть. Какъ только умираетъ желаніе и цѣль скрывается изъ глазъ—жизнь становится обузой, она теряетъ и свой смыслъ, и свою цѣнность. Начало смерти—изчезновеніе желаній, отсутствіе цѣли.

Чѣмъ значительнѣе и обширнѣе цѣль, чѣмъ многообразнѣе и многочисленнѣе наши желанія, тѣмъ ярче, тѣмъ интенсивнѣе и цѣннѣе становится жизнь.

И напрасны попытки механизировать жизнь, превратить ее въ машину. Жизнь потому и жизнь, что она не механизуется, что двигателемъ ея являются желанія и цѣли. Механизация жизни ведетъ къ уменьшенію желаній, къ суживанію цѣлей и, слѣдовательно, къ обезцвѣчиванію жизни. Одна изъ причинъ нашего недовольства жизнью—это ея механизация, ея рутинность, ея закономерность. Заведенный порядокъ, жизнь автоматовъ и часовыхъ механизмовъ, „отъ 6 до 6 и по одной и той же улицѣ“—явленія глубоко антижизненные, близкія къ смерти. Застой и рутина потому-то такъ и вредны для людей жаждущихъ жизни, что они ведутъ къ смерти.

И еще опытъ я вынесъ изъ жизни. Жизнь постольку зависитъ отъ экономической или политической структуры общества, постольку она является объектомъ домогательствъ живущаго, постольку въ ней развертываются его цѣли. Отношеніе между экономической структурой и живущимъ можно выразить въ такой формулѣ: Жизнь—жела-

ніе, стремленіе къ цѣли и достиженіе ея. Данная структура—реализація желанія. Прогрессъ: достигнутая цѣль не удовлетворяетъ, вѣрнѣе перестаетъ удовлетворять и перестаетъ даже не потому, что она показалась несовершенной — это уже выводъ, вытекающее положеніе, результатъ—а потому, что жизнь—стремленіе къ цѣли. Что-бы жить нужна новая цѣль. И снова стремленіе, и снова борьба, и снова реализація желанія,—и такъ безъ конца. Слѣдовательно любая структура постольку факторъ эволюціи, поскольку она реализовавшись перестаетъ удовлетворять, поскольку реализовавшись—открываетъ ворота къ новымъ цѣлямъ. Если-бы жизнь не была желаніемъ, стремленіемъ къ цѣли, никакая структура не могла-бы подвинуть человѣчество по пути развитія, ибо онъ относился-бы равнодушно ко всему.

...Я умираю потому, что у меня утеряна цѣль. Жизнь сдѣлалась ненужной и безцѣнной, превратилась въ тяжелое бремя, нести которое не имѣется ни малѣйшаго смысла.

Я жилъ и умру индивидуалистомъ. И поэтому я рассматриваю жизнь какъ субъективную, какъ мою цѣнность. Всякія инныя оцѣнки я отвергаю: они для меня бездоказательны. Современная мораль, основанная на благѣ ближняго, на общественномъ благѣ, на благѣ государства, на приматѣ долга кажется мнѣ или ложью, или недомыслиемъ. Въ основѣ блага всегда лежатъ индивидуальное понятіе о благѣ, а никоимъ образомъ не общее — въ какихъ-бы видахъ и подъ какими соусами не преподавалось оно. Я знаю только свои желанія и свои цѣли, а желанія и цѣли другого—лишь поскольку они совпадаютъ или противорѣчатъ другимъ. И

только мои цѣли и мои желанія способны воодушевить меня на борьбу. Общаго блага нѣтъ и не можетъ быть... вѣрнѣе оно можетъ быть, но только при одномъ условіи, о которомъ я буду говорить ниже. Тенденція общаго блага въ такомъ видѣ, въ какомъ она приносится сейчасъ, только туманитъ наши мозги и мѣшаетъ идти человѣчеству дальше. Что-бы произвести коренной переворотъ въ отношеніяхъ между людьми, нужно разрушить всю современную мораль и перевернуть психику. Пока люди не освободятся отъ старыхъ представлений, пока не обновятъ души своей — всякая мечта, объ иной болѣе свѣтлой жизни, не выйдетъ за предѣлы мечты.

Подъ именемъ общей цѣли и общаго блага, намъ всегда преподносились цѣли и блага отдѣльныхъ группъ или единицъ. Всякое нарушеніе ихъ блага считалось святотатствомъ и преступленіемъ, всякое служеніе ему поощрялось какъ богоугодный и хорошій подвигъ. Какъ къ ретроgradamъ, такъ и прогрессистамъ. Личное благо, благо не совпадающее съ ихнимъ представленіемъ о немъ, одинаково клеймится и преслѣдуется какъ крайней правой, такъ и крайней лѣвой. Въ яромъ ослѣпленіи своимъ эгоизмомъ и та и другая сторона одинаково прибѣгаютъ къ любому средству. И поэтому объ одинаковы для свободаго мыслителя и объ смѣшны, ибо не понимаютъ: чѣмъ-же святѣе ихъ эгоизмъ, чѣмъ хотя-бы и мой? И почему это ради ихъ спокойствія и благополучія я долженъ, напр. подыхать съ голоду въ тѣ дни, когда не имѣю работы? Вѣдь мнѣ такъ же хочется жить, какъ и имъ. Я могу любить музыку, литературу, красивыя одежды, женщинъ. Во имя чего-же я долженъ

отказывать себѣ во всемъ этомъ? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: ихъ благо потому святѣе моего, что оно ихъ. Но и я говорю такъ-же, а поэтому—долой маски и будемъ играть въ открытую. Что? Это не выгодно вамъ? Вы говорите, что это подорветъ вамъ кредитъ въ массахъ, ибо все ваше благо держится на ослѣпленіи ихъ? Да, да! Это я знаю, мои милые, потому-то я и смѣюсь.

Я стою на грани пропасти, называемой вѣчностью и горько улыбаюсь. У меня богатый опытъ; жизнь моя протекла подобно многоводной, бурливой рѣкѣ, была яркой и многоцвѣтной. А что осталось теперь кромѣ пустоты и холода?

Какъ орелъ леталъ я надъ равниною жизни и горделиво смѣялся отъ сознанія своей свободы и своей силы... И вотъ орелъ прилетѣлъ умирать на гранитную скалу, покрытую никогда не тающимъ снѣгомъ. Не зачѣмъ стало летать по поднебесью, ибо цѣль утеряна.

Я стою на грани, отдѣляющей бытіе отъ небытія и размышляю: какъ это случилось, что я утерялъ путеводную звѣздочку? Какъ это случилось?

Случилось это такъ.

Въ одинъ прекрасный день я ясно, рѣзко и опредѣленно почувствовалъ, что я одинокъ. Улица, толпы людей, дома сдѣлались странно новыми. Я удивленно оглядывался по сторонамъ, стараясь уловить причину такой неожиданной и непонятной переменны... Я всматривался въ лица людей и поразился сходству ихъ съ масками... Дома давили меня своею неподвижностью... И въ эти-то вотъ минуты я и почувствовалъ свое одиночество. И не только свое, но всеобщее одиночество. Люди стали по-

ходить на дома, дома на людей. Каждый изъ нихъ жилъ своей скрытой, особенной жизнью, непонятной и чуждой для другихъ.

И это было трагедіей людей, основой, на которой плелись узоры страданій...

Вотъ идетъ дѣвушка. Развѣ кто знаетъ, что творится на ея душѣ? Развѣ ктонибудь пытался понять ея радости и ея горести?.. Вотъ идетъ она по улицѣ и развѣ знаетъ кто, развѣ догадывается—куда она идетъ и зачѣмъ, и что творится на душѣ ея? Можетъ она идетъ на свиданіе, а можетъ быть и на смерть?

Меня охватила жуть. Богатый и шумный городъ умолкъ и я очутился въ пустынь... Вы понимаете: среди множества людей, идти и чувствовать себя точно въ пустынь! Между мною и людьми выросла стѣна... Нѣтъ, она всегда была, но я ее не признавалъ. И эта стѣна закрыла отъ меня всякіе горизонты; за нею исчезла моя путеводная звѣзда.

Я пришелъ домой опустошеннымъ. Въ какой-нибудь часъ рушилось все мое могущество. Безсильно повисли крылья, а тѣло сдѣлалось дряблымъ и вялымъ... Эту ночь я не спалъ—какъ и много другихъ ночей, слѣдующихъ за ней. Я лежалъ, стараясь не двигаться, и смотрѣлъ въ одну точку. Думъ не было, желаній не было. Была какая-то тяжесть, тоска тупо грызла сердце и что-то свершалось внутри... Внутри происходилъ какой-то процессъ, неуловимый сознаніемъ, а только чувствуемый... Что-то отпадало и вмѣсто его нарастало новое.

Иногда на поверхность сознанія всплывали картины, образы, факты, и я вскакивалъ, точно меня укололи булавкой въ сердце и шепталъ: да, да! А что „да“—я и самъ не зналъ хорошенько.

Наконецъ наступила минута, когда внутренняя работа пришла къ завершенію. Я подошелъ къ зеркалу, внимательно оглядѣлъ себя, стараясь уловить слѣды происшедшаго перелома, и громко сказалъ.

— Это нужно выяснитъ, непременно выяснитъ!

Въ этотъ день я уѣхалъ изъ города.

— Я выбралъ глухую, лѣсную деревеньку на сѣверѣ и поселился въ ней. Шумъ лѣса дѣйствовалъ на меня успокоительно. Онъ напоминалъ мнѣ далекое и уже забытое дѣтство... Голубые принцессы далей, гдѣ вы? Почему не идете на выручку вашему пламенному поклоннику?

...Неужели я ошибся? и содержаніе и цѣнность жизни лежитъ внѣ индивидуальной плоскости? Тогда, къ чему-же послужила моя борьба за свое освобожденіе? Тотъ длительный и упорный бунтъ противъ общества и его морали, подъ знаменемъ котораго прошла моя жизнь?

Нѣтъ, ошибки не было, но я проглядѣлъ кое что. И это кое что настолько важно, что благодаря ему пошла на смарку вся моя жизнь.

Цѣль людскаго существованія сводится къ борьбѣ за примать. Борьбы за существованіе нѣтъ, есть только борьба за примать. Люди сражаются и между собою и съ природой не за существованіе, а за преобладаніе, за господство. Свобода и равенство въ рамкахъ этой борьбы—фикція. И она осуществлялась лишь потому, что силы борющихся сторонъ равны. Какъ только какая-либо изъ сторонъ брала перевѣсъ, она немедленно принималась угнетать и давить побѣжденныхъ. И чѣмъ полнѣе былъ перевѣсъ, тѣмъ полнѣе было и угнетеніе. Знамя свободы, выкиды-

ваемое возстававшими, прикрывало собою не только желаніе освободиться отъ гнета, но и въ свою очередь утвердить свой примать. Исторія человѣчества только иллюстрируетъ эти положенія; обыденная жизнь подтверждаетъ ихъ. Борьба партій между собою непременно является борьбою за власть. Въ самой партіи вожаки вѣчно грызутся между собою за вліяніе и за руководство. Но ихъ власть не прочна и базируется на угожденіи массамъ, которые вѣдь тоже стремятся къ примату.

Моя борьба за свободу... Личную свободу, тоже подтверждаетъ эту мысль. Я поставилъ единымъ закономъ свое „хочу“ и этимъ утвердилъ свою тиранію надъ другими. Вѣдь я не считался съ чужими желаньями, разъ онѣ противорѣчили мнѣ. Я спокойно ставилъ на карту личнаго блага жизнь и существованіе другихъ. И въ этомъ я похожъ на всѣхъ освободителей и на всѣхъ угнетателей, избивавшихъ людей ради торжества своей идеи или своего интереса.

Примать имѣетъ много ступенекъ и формъ. И онъ такъ-же растяжимъ и безграниченъ, какъ и вселенная. И самая совершенная форма примата, о которой мечтаютъ люди—Богъ. Богъ—олицетвореніе высшей формы примата. Онъ — Всемогущъ, Всевѣдущъ; Онъ наполняетъ собою вселенную безъ остатка.

Наполнить вселенную безъ остатка—развѣ не этого хотятъ люди въ своемъ стремленіи къ примату? Развѣ они довольствуются внѣшними формами подчиненія? Нѣтъ, имъ нужно полное подчиненіе. Жажда пониманія и сочувствія—одна изъ формъ примата. Человѣкъ хочетъ утвердить волю свою во снѣ и помышленіи другого. Его при-

мать будетъ не полнымъ, если его не будутъ понимать и сочувствовать.

Въ такія формы выливается примать, но въ такихъ формахъ онъ переходитъ и въ свободу, и въ высшее общее благо.

Что-бы утвердить надъ кѣмъ либо свой примать и утвердить его съ наибольшей полнотой, необходимо понять его. Чѣмъ полнѣе будетъ пониманіе желаемого, тѣмъ полнѣе будетъ и примать. Но этого мало для совершенной полноты примата. Нужно еще добиться, что-бы и тотъ, надъ кѣмъ утверждается примать, возможно полнѣе понялъ тебя. Но если осуществится полнота такого взаимопониманія, то исчезнетъ и граница между двумя „я“, слѣдовательно, не будетъ ни поработителя, ни поработеннаго. Будетъ „едино тѣло и одинъ духъ“.

Чѣмъ полнѣе будемъ понимать мы другъ друга, тѣмъ ближе будемъ находиться къ истинной свободѣ. Многія изъ нашихъ страданій и бѣдъ исчезнутъ, потому что будутъ немислимы при новомъ пониманіи.

Уже теперь страданія любимой, или любимаго больно отзываются въ душѣ любящаго. И это потому, что между любящими болѣе полное пониманіе, чѣмъ между просто знакомыми. Грань между ихъ „я“ до значительности стерлась... Даже возможны—только очень рѣдко такіе моменты, когда два человека становятся однимъ.

Массовыя, коллективныя выступленія въ моментъ наивысшаго подъема и напряженія тоже значительно стираютъ грань между различными, обычно раздѣленными Я.

Завоеваніе міра посредствомъ включенія въ свое Я, посредствомъ углубленнаго пониманія открываетъ человѣству новыя горизонты, безконечно широкіе и безконечно яркіе. Весь міръ сдѣлался бы живымъ и превратился въ чудную, волшебную сказку...

Но у меня нѣтъ вѣры, что я найду ключъ къ новой углубленной и расширенной жизни. Одиночество отравило мою душу, сковало ее холодомъ смертельной тоски. И только любовь, любовь въ томъ смыслѣ, въ какомъ я ее понимаю, любовь-пониманіе, любовь-слиянiе могла бы спасти меня отъ смерти. А гдѣ найдешь такую любовь? Люди слишкомъ еще не доросли до необходимости пониманія, какъ высшаго смысла и высшей цѣли существованія.

...Когда-то давно, еще въ юности, грезила ясь мнѣ дѣвушка, одѣтая въ голубое. Она казалась мнѣ идеаломъ, верхомъ блаженства и радости—и я полюбилъ ее. Прошли года. Я много видѣлъ людей и ко многимъ женщинамъ пылливо приглядывался. Но той, о которой болѣла душа моя, и которая теперь смогла бы вернуть меня къ жизни, я не нашель... А я бы сумѣлъ сдѣлать и ее и свою жизнь счастливой. Сверканіе міровъ показалъ бы я ей и научился бы черезъ нее видѣть другіе міры, недоступные теперь моему взору...

Такой дѣвушки не нашлось—и мнѣ остается только умереть. Дальнѣйшее существованіе было бы бессмысленнымъ и ненужнымъ.

И. Лебединовъ.

Три идеи въ русской философіи.

Такъ ли все это было на самомъ дѣлѣ, и что говорили эти люди, о чемъ писали они? Дѣйствительно ли русская мысль не на міровомъ тракту, а идетъ гдѣ-то сторонкою, боясь свѣта?

Воздадимъ мы все должное западнымъ идеямъ, выработаннымъ вѣками, изучимъ мы индуктивныя науки, ибо безъ изученія нельзя быть мастеромъ своего дѣла, но все же потомъ скажемъ „этого мало намъ“. И снова обратимся къ славянофильскимъ идеямъ, снова будемъ изучать русскихъ старовѣровъ и сектантовъ. Сознаемъ мы, что многія западныя идеи (какъ марксизмъ) были полезны для борьбы съ реакціей, но также чувствуемъ, что жизнь не только борьба, но и согласіе людей, не только тактика и политика, и выгода классовая или иная, но и созерцаніе и насыщеніе души. Русская душа требуетъ созерцанія первопотенціала міра, и жаждетъ нравственнаго утоленія во всемірномъ союзѣ народовъ.

Русскій человѣкъ богоискатель и поэтъ по своей природѣ. Русскіе славянофилы были побѣждены, и народничество терпѣло крушеніе, но въ какомъ смыслѣ? Въ смыслѣ классовой борьбы, и только. Никто не удовлетворяется жалкимъ философскимъ материализмомъ и экономикой въ исторіи. Это только хозяйственные вопросы (хотя бы и міровые). Въ человѣкѣ еще имѣются категоріи—психическое, логи-

ческое, эстетическое и моральное. И русское крестьянство, усвоивъ науки, создастъ новое народничество, какъ систему міропониманія, утоляющую жажду созерцанія и вселенскаго согласія, и по своему посмотритъ на ходъ исторіи, отлично сознавая, что тѣ или иныя экономическія идеи были полезны тогда-то и тогда-то... Намъ нечего увлекаться временными успѣхами, и минутными вспышками людей подъ тѣмъ или инымъ лозунгомъ, намъ нужны также „выгоды идеи“. Вотъ и возникаетъ вопросъ, что сказали въ этомъ направленіи послѣдующіе славянофилы? Туда и сюда мысль устремлялась въ поискахъ за полной истиной, ибо частичная истина, и полезная, заключается въ каждой доктринѣ.

Много переменныхъ величинъ, но предѣлъ одинъ. Н. Я. Данилевскій (1822—1885), полагалъ, что прогрессъ не есть только движеніе въ одну сторону, по одной линіи, а есть движеніе человеческой дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ; что въ исторіи народовъ слѣдуетъ различать не только степень развитія, но и культурные типы народовъ. По мнѣнію Данилевскаго, такихъ типовъ культуръ было десять: египетскій, китайскій, халдейскій, индійскій, иранскій, еврейскій, греческій, римскій, арабійскій, романо-германскій.

Славяне также обладаютъ такими способностями, что могутъ составить

особый культурный типъ. Общей-же цивилизаціи нѣтъ. (Россія и Европа 1871 г.).

Ученіе Данилевскаго имѣетъ то отношеніе къ дѣйствительности, что изъ различныхъ факторовъ исторіи (территорія, продолжительность жизни народа, экономическія и соціальныя его условія, психика и языкъ, состояніе наукъ, характеръ поэзіи, религія и нравственность), различныя комбинаціи ихъ и неодинаковыя степени силы дѣйствія ихъ въ жизни того или другого народа. Но не сомнѣнно также, что есть преемственность культуръ, и каждая послѣдующая должна быть выше предыдущей, если имѣется въ наличности эволюція человѣчества. Во всякомъ случаѣ Данилевскій звалъ своей теоріей къ изученію своего народа, его исторіи и своеобразія культуры.

Попытка познать характеръ элементовъ своей культуры—явленіе не только законное, но и необходимое. Безъ знанія своей страны и народа ея, совершенно невозможно опредѣлить, какія именно идеи наиболѣе плодотворны сейчасъ, и что именно нужно заимствовать намъ съ Запада или съ Востока.

Быть можетъ, недостаточное знаніе своего народа являлось причиной отсутствія у насъ раціональной педагогики, наиболѣе соотвѣтствующей потребностямъ русской жизни, а отсюда возникаетъ то, что часто слышимъ мы глухое недовольство низшей и средней школой.

Но такова была участь славянофиловъ, что упорно не понимали ихъ. Ап. Григорьевъ (какъ критикъ) и Н. Н. Страховъ (какъ мыслитель) оказались неудачниками для своихъ современниковъ.

Ап. Григорьевъ (1822—1864) думаетъ, что „истинное искусство было и будетъ всегда народное, демократическое, въ

философскомъ значеніи этого слова. Поэты суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ истинъ и великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ—организмовъ во времени и народовъ—организмовъ въ пространствахъ“.

„Въ жизни человѣкъ руководится цвѣтной или органической истиной“. Цвѣтная истина—это человѣкъ съ голосомъ и вліяніемъ всѣхъ создавшихъ его условій, всей его исторической обстановки (соборность—у первыхъ славянофиловъ): геній понимаетъ и выражаетъ эту цвѣтную истину. „Пушкинъ весь нашъ душевный процессъ“, выраженіе жизни русскаго народа и всѣхъ его духовныхъ богатствъ. „Бѣлкинъ—это настоящее, наше русское“. Смирніе, простота и кротость свойства русскаго человѣка (Любимъ Торцовъ).

Эти мысли Ап. Григорьева не подошли къ боевой эпохѣ 60-хъ годовъ. Онъ не отвѣчали минутъ и вѣчное, что было въ немъ, нами забыто.

„Мы тебя не понимаемъ, ты не кстати появился—слѣдовательно, ты не правъ“. Н. Н. Страховъ (1828—1896) былъ также не понятъ надлежащимъ образомъ русскимъ обществомъ.

„Страховъ писалъ много, писалъ всю свою жизнь и умеръ почти что съ перомъ въ рукахъ. Но вліянія онъ не имѣлъ никогда, не имѣетъ его и теперь, послѣ смерти, несмотря на всѣ даже талантливныя попытки гальванизировать его имя и идеи. Между тѣмъ у него есть несомнѣнно очень цѣнныя критическія изслѣдованія (напр. „о нигилизмѣ“, о „Войнѣ и Мирѣ“, о борьбѣ съ западомъ, или лучше сказать, съ раціонализмомъ въ русской и въ иностранной литературѣ),—но онъ былъ слиш-

лемъ разныхъ Наполеоновъ—преступное безуміе. Мирная, нравственная жизнь человѣка между людьми—и есть то, что даетъ смыслъ существованію. Любовь къ человѣку—цѣль и содержаніе жизни.

Въ „Братяхъ Карамазовыхъ“ осмѣялъ позитивизмъ запада въ лицѣ Міусова, и предупредивъ насъ объ опасностяхъ отъ великаго инквизитора, духовныхъ цѣпей въ дѣлахъ мысли и чувства, а также отъ смердяковщины, холодной, мѣщанской логики и торгашества на всѣхъ путяхъ жизни и мысли, Достоевскій ставитъ великую проблему о нравственномъ оправданіи человѣчества.

Рѣшеніе этой проблемы находитъ снова въ любви къ человѣку и ко всей землѣ старца Засимы. Передъ нами дивный художникъ и глубокій, русскій философъ, признающій и міръ, и человѣка, и Бога, и зовущій насъ къ задачѣ созданія союза народовъ на принципѣ всебратства и любви.

Мысли Достоевскаго, и его художественные образы были дальнѣйшимъ раскрытіемъ и углубленіемъ идей славянофильства.

Наши лучшіе и видные западники подтверждаютъ наличность своеобразной русской философіи (къ сожалѣнію, въ этой статьѣ не имѣемъ мы мѣста обстоятельно разобрать этотъ предметъ).

А. И. Герценъ (1812—1870) питалъ тайную симпатію къ славянофильскимъ идеямъ и къ почвенникамъ, хотя полагалъ, что только наука спасетъ человѣчество. Къ концу своей жизни онъ разочаровался въ западъ и въ исключительной силѣ мысли.

Чернышевскій (1812—1889) смотритъ на крестьянскую общину какъ на форму жизни, которая можетъ дать въ

своемъ развитіи высшій видъ социализма. Матеріализмъ Чернышевскаго былъ не глубокъ, онъ былъ только орудіемъ борьбы съ реакціоннымъ идеализмомъ. Выше же всего Чернышевскій ставилъ личность со всѣми ея категоріями.

Лавровъ („Очеркъ теоріи личности“, „Что такое антропология“, „Историческія письма“) полагаетъ, что критическая личность—единственный факторъ прогресса.

Человѣчеству достаточно имѣть „антропологическую“ истину. Нравственность есть чувство достоинства личности. Если мы вдумаемся въ эти положенія, то найдемъ въ основаніи ихъ любовь къ человѣку и къ человѣчеству, о чемъ и говорили все время славянофилы.

Н. К. Михайловскій (1842) („Что такое прогрессъ?“ „Чернь и толпа“ и др.) идеалы жизни рисуетъ, все время созерцая крестьянскую общину. Отсюда черпаетъ онъ свое воззрѣніе на „простое сотрудничество“ и свою боязнь, что крайнее раздѣленіе труда поведетъ къ вырожденію человѣка. Его „правда—истина“ и „правда—справедливость“ приближаетъ его къ лучшимъ принципамъ славянофиловъ.

Третья идея русской философіи въ своей яркой формѣ высказана была только Соловьевымъ. Въ своихъ сочиненіяхъ („Кризисъ Западной философіи“, „Критика отвлеченныхъ началъ“ и др.) онъ указываетъ на отрѣшенность западной мысли отъ дѣйствительности. Соловьевъ признаетъ въ каждомъ актѣ познанія—три элемента: опытъ, логику (идею) и мистическое воспріятіе. Въ этомъ третья идея Русской философіи. Дѣйствительно—воспріятіе предметовъ внѣшняго міра имѣетъ три элементар-

ныхъ основныхъ процесса—ощущеніе, идею предмета и увѣренность, что онъ дѣйствительно существуетъ. „Органическая“ логика и теорія познанія—могли бы быть созданными на основаніи такой исходной точки зрѣнія. Соловьевъ не успѣлъ однако развить до конца подобную теорію познанія, онъ только началъ и поставилъ первый камень для грядущаго зданія. Зато глубоко развилъ онъ ученіе „Вселенской“ церкви, и раскрылъ основы нравственной природы человѣка въ „Оправданіи добра“. Стыдъ, жалость и благочестіе (основныя начала нравственной природы) являются факторами исторіи.

Если проанализировать его понятіе „Мистическаго воспріятія“, то окажется, что оно состоитъ изъ гипотезы (что вещи существуютъ независимо отъ сознанія) и волевого импульса (я хочу, чтобы гипотеза была—истиной). Такъ что, въ основаніи теоріи познанія лежитъ лимитизмъ. Мы осмѣливаемся думать, что лимитивная философія (знаніе—переменная величина, а дѣйствительность—предѣлъ) съ ученіемъ о семи граняхъ міра (пространство, время, матерія—энергія, психика, логика, эстетика, мораль) есть самая точная формула Русской философіи и трехъ ея идей.

Ближайшіе къ намъ русскіе филосо-

фы (Козловъ, Гротъ, Кудрявцевъ и др.) и современные мыслители (Дебольскій, Лопатинъ, Челпановъ, Введенскій, Лосскій, Лапшинъ и др.),—идя по различнымъ путямъ, все же тяготеютъ къ тремъ высказаннымъ идеямъ:

1) Русская мысль стремится (и увѣрена) къ познанію всей дѣйствительности міра, и со всѣми ея категоріями.

2) Она уясняетъ возможности нравственнаго союза народовъ.

3) Русская мысль допускаетъ, кромѣ опыта и идеи (логическаго мышленія) прикосновеніе къ дѣйствительности при помощи реальной гипотезы, стремящейся быть завершеной и совершенной.

Русская философія въ основномъ теченіи своемъ лимитивна. Она уже имѣла своего Платона (Соловьевъ) и мы живемъ наканунѣ появленія русскаго Аристотеля.

Въ культурной нравственной области приближается время созданія доктрины новаго народничества, основаннаго на исконныхъ звойствахъ духа русскаго народа и на принципахъ русской философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ приближается время открытія въ университетахъ кафедр русской философіи.

Мы живемъ въ знаменательную эпоху самоопредѣленія особенностей русской культуры и мысли.

Проф. К. Жаковъ.

Камень.

Есть въ степи, гдѣ дороги сбѣжались крестомъ,
Бѣлый камень и надпись на камнѣ на томъ.

Собираются темныя тучи,

Злые вѣтры степныя бушуютъ, свистятъ —

Смыть--стереть эту надпись на камнѣ хотятъ.

И вѣщаетъ всѣмъ камень горючій:

„Кто направо пойдетъ,

На Судьбу набредетъ

И съ Судьбою повздоритъ.

Будетъ живъ, какъ Судьбу переборетъ.

*

Кто налево пойдетъ,

Того Горюшко ждетъ.

Коль сумѣетъ то Горе избыть—

Будетъ жить.

*

* * *

А захочешь дорогъ миновать,

Такъ и живу тебѣ не бывать“.

И сбирается къ камню народъ:

Всѣ, кто по полю чистому рыщетъ,

Свою долюшку ищеть.

Каждый надпись на камнѣ прочтетъ.

*

* * *

Кто силенъ — тотъ направо идетъ,
Кто смышленъ — тотъ налѣво свернетъ.

Безталанный — рукою махнетъ,

Перекрестится, прямо шагнетъ:

„Мнѣ, де, влѣво и вправо не гоже:

Злое Горе за жизнь надоѣло,

А и спорить съ Судьбою — не дѣло.

Помяни меня, Господи Боже!..“

А торгошъ прибрететъ осторожный,

Онъ лишь глянетъ на камень дорожный,

Но пойти никуда не рискнетъ

И — назадъ повернетъ.

* * *

Только тѣмъ, кто силенъ,

Не силенъ — такъ смышленъ,

Или Горемъ обиженъ безъ дѣла,

Кому злая Судьба надоѣла,

Кому жизнь молодая — обуза,

Только имъ говоритъ моя муза.

И подобно горячему камню дорожному,

Не укажетъ пути торгошю осторожному.

В. Яшинъ.

Р о з ы,

Восточная легенда.

Среди волнъ Тихаго океана яркимъ пятномъ красуется островъ Молчана. Весь въ рощахъ, съ кружевнымъ узоромъ мховъ на горахъ, онъ кажется исполинской корзиной, наполненной зеленью и бршешной чьей-то капризной рукой въ океавъ. Безмолвіе царить кругомъ, даже волны боятся нарушить тишину: онѣ своенравныя, бурныя замедляютъ бѣгъ и тихо играютъ у причудливыхъ береговъ. Властелиномъ этого острова былъ Онъ. Островъ былъ его рабомъ: мохъ растилалъ ему пушистый коверъ, шатры вѣковыхъ деревьевъ защищали его отъ знойныхъ лучей солнца. Прибрежныя скалы уносили его на своихъ уступахъ далеко надъ моремъ, на просторъ. Власть его была могущественна не въ силу какихъ либо официальныхъ законовъ: ему добровольно подчинялись, какъ высшему существу.

I.

Его звали Разумомъ. Гордый, свободный, онъ спокойно жилъ на уединенномъ островѣ. Его глаза—пытливые, глубокіе чутко всматривались въ окружающее, словно хотѣли проникнуть въ въ корень вещей. Во всѣхъ его движенияхъ сквозила спокойная грація, которая значительно смягчала суровую складку на выточенномъ, царственномъ челѣ. Часто лежалъ Онъ на берегу, прислушиваясь къ глухому рокоту волнъ. Порой—внимательнымъ взоромъ слѣдилъ за фантастической игрой лучей между листьями деревьевъ. Иног-

да—проводилъ время въ горахъ, нѣжась въ легкой дремѣ, навѣянной пѣсней вѣтра, гудѣвшаго среди ущелій. Покой его былъ безмятеженъ, глубоко, какъ океанъ, тихо ласкавшій прибрежныя камни. Изъ дня въ день онъ встрѣчалъ и провожалъ Солнце на высокомъ уступѣ одной изъ прибрежныхъ скалъ. Нравилось наблюдать за борьбой свѣта съ ночной тьмой, онъ одобрялъ ту энергію и быстроту, съ которой Солнце отѣсняло Ночь въ ея невидимый теремъ. Вечеромъ онъ неизмѣнно присутствовалъ при торжественномъ отходѣ ко сну царственлаго свѣтила. Свѣточъ міра цѣнилъ это вниманіе и посылалъ своему брату, свѣточу души, первый нѣжный лучъ утромъ и пышно разукрашивалъ вечеромъ пурпуромъ и золотомъ любимый уступъ холоднаго разума

II.

Быль вечеръ. Шептались горныя сосны. Сапфировое небо искрилось алмазными звѣздами. Прозрачный воздухъ, съ легкой примѣсью запаха морской соли, прозрачнымъ флеромъ окутывалъ темныя контуры горъ. Разумъ лежалъ на коврѣ ползучихъ мховъ. Онъ лежалъ, закинувъ небрежно руки за голову и глубокимъ, задумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ въ синее небо. Его вниманіемъ овладѣла яркая, синеватая звѣзда. Она рѣзко выдѣлялась на темномъ небѣ. Среди своихъ подругъ она казалась старшей, царевной въ

кругу наперсницъ. Вдругъ звѣзда вздрогнула, отдѣлилась отъ окружающихъ ее блестящихъ искръ и яркой точкой промчалась по небу, оставляя за собой длинную нить алмазовъ и жемчуга.

Мигъ—и она стояла передъ Разумомъ, снокойная, величавая, въ легкомъ покрывалѣ, сотканномъ изъ искръ, мерцавшихъ синеватымъ пламенемъ. Она стояла передъ нимъ молчаливая, съ улыбкой на устахъ. Молчалъ и онъ. Ея приходъ поразилъ его, ошеломилъ. Она наклонилась, положила руки ему на плечи и свой взоръ, ласковый, глубокой, слила съ его внимательнымъ, взглядомъ. Онъ чувствовалъ, какъ постепенно теплота разливалась по его тѣлу, точно изъ ея рукъ лились струи теплаго воздуха, которыя проникали въ его члены. А глаза становились все ласковѣе, ярче, точно въ нихъ отражалось мерцанье отдаленныхъ звѣздъ. Такъ протекла ночь. Приближался часъ разсвѣта. Ниже и ниже наклонялась она. Онъ слышалъ ея тихое дыханье, а глаза—чистые, прекрасные, звали къ себѣ, словно хотѣли открыть тайну великую, подарить сказкой волшебной...

III.

И сказка настала. Теплая струя достигла сердце Разума, оно забилося быстро, быстро, затрепетало, какъ птица, томившаяся въ клѣткѣ, завидѣвшая родной лѣсъ. Глаза поддались властному призыву синеватыхъ очей, зубы дрогнули и слились съ другими, нѣжными, розовыми. Въ кристально чистомъ воздухѣ, на грани дня и ночи прозвучалъ первый поцѣлуй, робкій, нѣжный, какъ лучъ разсвѣта, прекрасный, какъ грезы Юности. Счастливые, они подняли глаза къ небу и увидѣли блѣдно-розовый

куполь неба, а мигъ спустя—снопъ лучей освѣтилъ ихъ потокомъ Свѣта: то Солнце благословляло ихъ союзъ. Она оглянулась и взглядъ ея остановился на зеленомъ колючемъ кустарникѣ, разстилавшимся у ея ногъ. И чудо совершилось: на растеніи появился блѣдно-розовый цвѣтокъ. То была первая роза, посланница бога Свѣта, эмблема чистой, нѣжной, безмолвной любви.

IV.

Все цвѣло. За первой розой появились другія, съ пышными лепестками на хрупкихъ стебляхъ. Въ травѣ лукаво замелькали пестрые вѣнчики цвѣтовъ. Ожилъ тихій островъ. Безмолвіе его не нарушалось ни единымъ звукомъ, но прекрасная звѣзда принесла съ собой любовь, согрѣла лаской холодное сердце Разума, собрала струны его души въ гармоническій аккордъ. Его душа пѣла гимнъ прекрасной волшебницѣ, посланницѣ неба, а съ Разумомъ ликовалъ и островъ. Настала пора чистой, безмолвной любви, пора любви, сотканной изъ робкой ласки, обвѣянная свѣжестью предразсвѣтнаго дуновенья.

День умиралъ. Солнце медленно склонялось на пурпурное ложе. Запоздалые лучи кое-гдѣ быстро скользили по выступамъ скаль и верхушкамъ деревьевъ, исчезая въ надвигавшихся сумеркахъ. Небо темнѣло, вспыхивали огоньки: одна за другой въ строгомъ порядкѣ появлялись звѣздочки съ зажженными лампадами, охраняя сонъ владыки дня—лучезарнаго Солнца. Задремалъ вѣтеръ въ темномъ ущеліи, сонно рокотала волна въ прибрежныхъ камышахъ.

Они, прекрасные, любящіе безмолвно смотрѣли на небо. Ея взглядъ искалъ подругъ, тотъ веселый хороводъ, кето-

рый она вела такъ мастерски недавно. А его глаза несли благодарность небу за то, что оно не пожалѣло лучшей своей жемчужины и отослало ее на землю съ дивнымъ даромъ научить любить. Его душа проснулась отъ долгаго сна, ожила, раскрылась, какъ чашечка цвѣтка, освѣженная капелькой росы. Въ безграничномъ восторгѣ онъ протянулъ руки къ прекрасной царевнѣ и воскликнулъ: „Кто ты. Твое имя! Я дамъ тебѣ безсмертіе за то, что ты вырвала меня изъ рукъ холоднаго равнодушія и влила въ мое сердце струю живительной влаги!“ Такъ вскричалъ онъ, среди чутко насторожившейся ночи.

V.

При первомъ звукѣ его голоса, звѣнящаго, какъ горное эхо, она повернулась къ Разуму и легкимъ движеніемъ рукъ, взмахомъ чайки бѣлокрылой, обвила его шею и прошептала: „Меня зовутъ Упоеньемъ“. Страсть, звучавшая въ ея голосѣ, убила Любовь, нарушила ея стыдливое молчаніе. И она погибла, какъ нѣжный цвѣтокъ подъ губительнымъ дыханьемъ ранняго мороза.

Въ мигъ весь островъ проснулся. Сонъ исчезъ, его замѣнила душная, жгучая тьма. Страсть смѣнила Любовь и увлекла за собой въ царство внѣ времени, внѣ законовъ.

Прекрасная, пламеннѣе огня, гибче змѣи, она обвила Разума, осыпала его ласками и поцѣлуями, отъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ отказаться. А сердце бурно, бѣшено билось, пьянѣя отъ каждаго новаго поцѣлуя, упиваясь его ядомъ. И гордый Разумъ добровольно шелъ въ губительный плѣнъ. Вмѣстѣ съ повелителемъ измѣнился и островъ. Все страстно отдалось чувству. Волны лихорадочно бились о бе-

регъ, вѣтеръ въ бѣшеннои пляскѣ кружился вокругъ стрѣльчатыхъ скалъ; деревья сплетались въ объятяхъ; цвѣты, Божіи кадилаицы, раскрыли чашечки, жадно упиваясь волшебной ночью. Все, отъ мала до велика, горѣло желаньемъ встрѣтить взаимность на вспыхнувшее чувство. Прошла ночь. Солнце съ обычной пышностью вошло на небо, взглянуло на островъ и не узнало его: островъ не только не спалъ, онъ горѣлъ, объятый грознымъ пламенемъ страсти. На завѣтномъ уступѣ стояла могущественная волшебница, а у ногъ ея лежалъ Разумъ, окутанный тонкой сѣтью. Очаровательная гостья быстро вязала петлю за петлей, украшая темно-красными розами цѣпкія узы. Среди яркой зелени кровавыми пятнами мелькали пурпурныя розы, съ чувственно раскрытыми лепестками. У ногъ ихъ завяли въ предсмертной агоніи нѣжные, розовые лепестки первой розы. Онѣ не могли перенести гибели Любви и умирали, какъ ласточки, застигнутыя грозой среди пути. Гибли, какъ хорошій порывъ честной души, сраженный неумолимой рукой предразсудка. Умирали во имя той любви, эмблемой которой служили.

VI.

Нахмурилось Солнце: блѣдная улыбка освѣтила міръ въ это утро. Закуталось Солнце въ сѣрый плащъ и предалось горестнымъ думамъ. Сѣровато-синій океанъ клокоталъ, какъ наэлектризованный. Въ проворныхъ рукахъ волшебницы сѣть быстро увеличивалась, тонкія петли плотно охватывали плѣнника. Одурающій аромать пурпурныхъ розъ усыплялъ его, заглушалъ малѣйшіе проблески сознанья. Нѣсколько разъ Солнце выглядывало, въ надеждѣ

встрѣтить знакомую фигуру въ обычной позѣ, но тщетны были его ожиданія: сѣть была почти окончена, Разумъ отдался во власть Упоенья. Такъ прошелъ день. Печально и тихо легло Солнце. Тревоженъ былъ его сонъ. Всю ночь на свинцовомъ небѣ вспыхивали зарницы, и мѣсяцъ робко выглядывалъ на мгновенье изъ-за тяжелыхъ тучъ. Островъ продолжалъ упиваться обаяньемъ страсти, а опьяненіе, казалось, достигло своего апогея. Мощно раздавался гимнъ Ей, великой чаровницѣ. Мелодія постепенно исчезла, перешла въ ликующую, бурный вихрь звуковъ, зарницы, точно ракеты въ темномъ паркѣ освѣщали на мгновенье Разумъ въ объятьяхъ Упоенья. Казалось не будетъ конца ихъ поцѣлюю, пепеляющему губы.

VII.

Насталъ новый день. Солнце вяло встало послѣ тревожной ночи. Медленно обратило оно взоръ къ острову и содрогнулось отъ ужаса: надломленные березки, съ глухимъ стономъ умирали: гордые сосны, развѣнчанные, устало клонили вершины. Трава пожелтѣла, цвѣты безжизненно поникли вѣнчиками, колючій вѣтеръ то завывалъ по ущельямъ, то съ ожесточеньемъ обрывалъ листья и кружилъ ихъ по острову. За опьяненіемъ слѣдовала реакція, островъ медленно погружался въ тупое безразличье, въ тяжелый сонъ похмѣлья, который нерѣдко переходитъ въ смерть. Заплакало Солнце. Слезы градомъ полились на землю. Все небо зябко куталось въ пушистыя облака. Дождь все усиливался, точно хотѣлъ затопить оскверненный островъ. Холодные струйки больно, словно удары хлыста, сыпались на Разумъ и его побѣдительницу. А гордый Разумъ по-

корно лежалъ, безгласный, неподвижный... Разгнѣвалось Солнце. Въ порывѣ досады бросило на островъ гибкую молнію. И понеслась она, разсѣкая воздухъ и остріемъ вонзилась въ сердце Разума, испепеливъ его въ мгновенье ока. Острая боль заставила очнуться Разумъ. Оглушительный ударъ грома прокатился надъ островомъ. Свистя упала вторая молнія между Разумомъ и Упоеньемъ и разсѣкла скалу на два уступа. Тончайшая паутинка соединяла ихъ. Сознаніе вернулось Разуму. Однимъ прыжкомъ онъ всталъ и окинулъ взоромъ островъ. Онъ понялъ причину царившаго хаоса и паутинка заколебалась, а сѣть петля за петлей начала спадать съ узника. И съ каждымъ мгновеніемъ къ нему возвращалась ясность ума, воля, которая была скована страстью. А она, синеокая волшебница, стояла у самага края черной бездны и тщетнымъ усиліемъ старалась натянуть паутинку. Но сѣть распадалась и нить изгибаясь опускалась въ зіяющую пропасть. Съ тревогой и мольбой протянула она руки къ Разуму, но чары ея потеряли силу и онъ, ея недавній рабъ, не только не кинулся на ея зовъ, но гордымъ движеніемъ руки сорвалъ съ себя послѣднія петли, былого рабства. А глаза, полные скорби поднялись къ небу съ мольбой о прощеніи. Раненая на смерть этимъ униженіемъ, съ глухимъ стономъ упала царица на край уступа, скользнула и исчезла въ безднѣ пропасти. Новый ударъ грома потрясъ островъ и скала сомкнулась, похоронивъ въ своихъ нѣдрахъ волшебницу. Дождь продолжалъ лить, вѣтеръ бушевалъ со страшной силой, потоки воды лились на островъ, словно хотѣли смыть печать былого униженія, вернуть ему перво-

начальный дѣвственный обликъ. Не было ни дня, ни ночи, темное небо— безъ звѣздъ грозно нависло надъ островомъ. Молніи колючими иглами сыпались на него. Разумъ стоялъ на завѣтной скалѣ, не чувствуя ни холода, ни дождя.

VIII.

Не скоро улегся гнѣвъ Солнца и долго еще бушевалъ ураганъ. Но вотъ, сквозь узкую щель въ темныхъ тучахъ мелькнулъ лучъ; за нимъ— другой, третій и тучи начали быстро разсѣиваться. Ливень прекратился. По лучистой тропинкѣ вышло Солнце любоваться міромъ, послѣ долгой разлуки. Тысячи лучей снова принялись за работу, спѣшили исполнять порученія, данныя имъ лучезарнымъ владыкой. Послѣ продолжительнаго бездѣйствія работа лихорадочно закипѣла: быстро сохла вода, легкимъ паромъ поднималась къ бирюзовому небу. Омытый островъ жадно вдыхалъ живительное тепло и постепенно оправлялся отъ пережитыхъ потрясеній.

Снова появились цвѣты, исчезли лишь однѣ пурпуровыя розы. Ихъ смѣнили блѣдно-желтые цвѣты. Плотной мантией покрыли онѣ утесъ, съ вершины до края. Нѣжныя, словно восковыя, съ струйкой слабаго аромата на лепесткахъ онѣ напоминали первую розу, но отъ нихъ вѣяло печалью разлуки, покоемъ могилъ. Наглухо закрытые вѣнчики таили въ себѣ воспоминанія о разбитыхъ грезахъ и несбыточныхъ снахъ. Въ нихъ жила душа побѣжденной страсти, онѣ были ея тѣнью. Быстро одѣлся островъ новой зеленью, пышно разукрасился цвѣтами, но Разумъ не могъ вернуть себѣ утеряннаго покоя. Солнце силой вызвало своего любимца изъ объятій Упоенья, вернуло острову его первоначальный обликъ, сожгло

сердце Разума, но не въ его власти было развѣять воспоминаніе объ очаровательной гостьѣ. Разумъ, нѣкогда гордый, безстрастный научился грустить, тяготиться своимъ могуществомъ и знаньемъ. Блѣдныя розы стояли передъ нимъ живымъ воспоминаньемъ о той, чью ласку онъ отвергъ въ пылу возмущенной гордости. Онъ стыдился своей слабости, и въ эти дни лихорадочно работалъ, чего-то искалъ, подвергалъ все беспощадной критикѣ, но ничто не помогало: за приливами энергіи слѣдовала реакція, логика изгонялась и Разумъ предавался воспоминаньямъ. Въ эти дни лишь на завѣтной скалѣ онъ находилъ себѣ нѣкоторый покой.

IX.

Въ отчаянномъ порывѣ вычеркнуть изъ памяти плѣнительный образъ, Разумъ рѣшилъ не заглядывать въ ту часть острова, гдѣ гордо тянулся къ небу роковой утесъ. Онъ выбралъ другую скалу и тамъ встрѣчалъ Солнце. Но тщетны были его старанія: ничто не могло замѣнить ему тонкій аромат блѣдныхъ розъ. Борьба съ самимъ собой становилась все упорнѣй и мучительнѣй. Грусть перешла въ тоску. Однажды его съ особенной силой потянуло къ утесу. Послушный таинственному зову онъ поднялся на уступъ и въ великой тоскѣ припалъ губами къ холоднымъ, трепетнымъ лепесткамъ цвѣтка. И мысль быстрая, острая, стрѣлой мелькнула въ его сознаніи: Разумъ понялъ все свое безсиліе забыть прошлое. И тоска его исчезла, ему стало легко, точно струя цѣлительнаго бальзама омыла старую рану. Спокойный обратился онъ къ океану и голосомъ глухимъ, какъ ударъ колокола старой церкви, произнесъ: „Забвенья“.

Вѣтеръ понесъ желаніе царственнаго страдальца до уха бестрастнаго Времени. Методичнымъ движеніемъ руки старикъ взялъ одну изъ плитъ, лежавшихъ у его ногъ, и провелъ по ней черту отъ края до края. Раздался сухой трескъ разбитаго камня, одновременно Разумъ вспыхнулъ яркимъ снопомъ искръ и разсѣялся по міру.

Островъ существуетъ и до сихъ поръ; среди моряковъ онъ пользуется кровавой славой.

Затерянный въ безбрежномъ океанѣ, онъ не отмѣченъ ни на одной картѣ. Многіе корабли погибли у причудливыхъ береговъ. Есть тамъ бухта, глубокая, защищенная высокими горами отъ вѣтра. Не мало моряковъ плѣнила она зеркальной поверхностью водъ. Много кораблей приняла она, но никого не выпустила: всѣ погибли въ ея бездонной пучинѣ. Мрачная тайна острова осталась бы неразгаданной и до сихъ поръ, но тѣ изъ смертныхъ, кто умѣетъ слушать и понимать пѣсни свободнаго вѣтра, узнали слѣдующее. Пышно зеленѣетъ островъ среди волнъ. Царитъ на немъ невидимый духъ. Много цвѣтовъ на островѣ, но царицей среди нихъ красуется роза. На зарѣ раскрываетъ она свои пышные розовые лепестки. Весь день нѣжится на солнцѣ. Съ наступленіемъ сумерекъ цвѣтокъ темнѣетъ, окрашивается въ пурпуръ, благоухаетъ всю ночь, а тамъ—блѣднѣетъ, смыкаетъ безкровные лепестки. Такъ стоитъ онъ до перваго луча утренней зари. Лишь только заблеститъ небо лазурью, лепестки цвѣтка опадаютъ. Растеніе даритъ міру новую розу, нѣж-

ную, розовую. Жизнь острова тѣсно связана съ жизнью цвѣтка: все привѣтствуетъ ясной улыбкой первую розу. Но лишь цвѣтокъ темнѣетъ, тревога, какая-то истома охватываетъ островъ. Чѣмъ темнѣе лепестки, тѣмъ сильнѣе тревога на островѣ. Будь то день, иль ночь, никто не думаетъ о снѣ. Жизнь бьетъ ключомъ трепетно и страстно. Опьяненный ароматомъ кровавыхъ цвѣтовъ островъ доходитъ до безумія, загорается страстнымъ желаніемъ жить только мгновеньемъ. Жить, платя какой угодно цѣной, даже собственной жизнью. Весь островъ горитъ ослѣпительно ярко. Пламень гаснетъ со смертью пурпуровой розы, которая уступаетъ мѣсто блѣдно-желтой. Опустошеніе царитъ кругомъ, словно въ чертогѣ послѣ блестящаго пиршества.

Идетъ дождь, проносится ураганъ. Но наступаетъ пора и островъ снова принимаетъ свой первоначальный обликъ и красуется въ пышномъ нарядѣ до новой вакханаліи. А люди, которые были хоть разъ ея участниками—не въ силахъ покинуть островъ. Они или медленно умираютъ, отравленные ядомъ упоенья, или въ минуты сознанія бросаются въ море, съ высокаго, стрѣльчатаго утеса. Волны ревниво хранятъ тайну любимаго острова и ни одному смѣльчаку не удавалось вырваться изъ ихъ объятій. Корабли, ставшіе въ бухтѣ, разбиваются въ щепы въ бурную ночь. Лишь вѣтеръ, свистя и играя, слагаетъ пѣсни о волшебномъ островѣ и разноситъ ихъ по свѣту.

Валерія Ситъговая.

Я огнепоклонница.

Я—солнцепоклонница, я—съ душою южною,
Днями золотистыми брежу наяву.
Не морознымъ сѣверомъ, не луной жемчужною—
Солнечнымъ мечтаніемъ, грёзами живу.
Здѣсь—метели вьюжныя, вѣть холодъ глетчера,
Солнце—снѣжно-блѣдное, дня не золотить...
Но въ мечтахъ дурманящихъ, отъ утра до вечера
Я—въ тѣни египетскихъ гордыхъ пирамидъ...
... Если-бъ люди чуяли, если-бъ люди вѣдали
Все мое стремленіе къ солнцу моему!
Что ни грянетъ въ будущемъ—гибель-ли, побѣда-ли,
Судъ людской презрительно отъ людей приму;
Я отдамъ имъ жизнь мою, имъ, слѣпымъ, неслыша-
щимъ.

Этой сѣрой жизнью я—не дорожу,
Ибо я обвѣнчана съ солнцемъ огнедышащимъ,
И ему—презвѣтлomu,—вся принадлежу.
... Съ самой ранней юности на лужайки рѣсныя
Потихоньку бѣгала утромъ, по веснѣ.
Солнце съ неба сыпало сказки свѣтоносныя—
Сказки свѣтозарныя прямо въ сердце мнѣ.
И огняной искрою сказка златоструйная
Жжетъ мнѣ сердце пламенной солнечной тоской...
Я—огнепоклонница. Я—безпоцѣлуйная.
Я живу безстрастная въ суетѣ мірской.

К. Л. М.

Часы.

I.

Отправляясь компаніей на охоту, мы каждый разъ останавливались у стараго Смита, что за мерзлой деревушкой, къ чему побуждало то обстоятельство, что отъ Смита-то мы ни разу еще не возвращались безъ дичи. Даже въ въ третьемъ году, когда, насколько мнѣ помнится, угораздило насъ забыть ящикъ съ ружьями и патронами у одного знакомаго трактирщика по дорогѣ.

Но не одинъ успѣхъ охоты привлекалъ насъ въ маленькую избенку Смита. Центръ тяжести лежалъ, пожалуй, скорѣе въ неистощимомъ запасѣ правдивыхъ охотничьихъ разсказовъ, которыми старикъ любилъ потчивать своихъ гостей.

Все начиналось, обычно, съ того, что подходило Рождество.

Въ одно прекрасное утро Томасъ, который сидѣлъ въ конторѣ черезъ столъ отъ меня, сдѣлавши въ шестой разъ одну и ту же ошибку въ балансѣ, досадливо бросалъ перо и, подергивая лѣвымъ ухомъ, что выражало у него крайнюю степень нетерпѣнія, обращался ко мнѣ:—А что? Куда махнемъ то?

— Да ужъ понятно, куда: къ Смиту!— возражалъ откуда то голосъ Гарриса, носъ котораго немедленно же появлялся между приоткрытыми половинками двери. — Можно... соглашался я, и поѣздка была рѣшена.

На слѣдующій день всѣ трое брали недѣльный отпускъ „для поправленія здоровья“, какъ выражался Томасъ.

II.

— М-м-да! Хорошій былъ парень Джимъ, царство ему небесное!.. промолвилъ наконецъ расчувствовавшійся „дядя Смитъ“, когда бутылка вермуту приходила къ концу.

— А что?—освѣдомился словоохотливый Гаррисъ.

— Славный былъ парень Джимъ... Ей-Богу! Да вотъ сунула же его нелегкая завести часы — и съ тѣхъ поръ все пошло прахомъ!..

Тутъ Томасъ подмигнулъ въ сторону Смита и, ухмыльнувшись, слегка (какъ онъ потомъ увѣрялъ) ткнулъ меня кулакомъ подъ бокъ въ то самое мѣсто, гдѣ я утромъ нашелъ синякъ величиной съ небольшую сковородку, а Гаррисъ поспѣшилъ выразить живѣйшій интересъ къ судьбѣ бѣднаго Джима. Старикъ неторопясь сунулъ руку въ одинъ изъ своихъ необъятныхъ кармановъ, досталъ оттуда трубку, набилъ ее до верху и, задымивши такъ, что любому паровозу Сѣверной Канадской Дороги оставалось только завидовать, началъ.

III.

— Охотились мы тогда верстъ восемьсотъ къ сѣверу отъ этой проклятой

дыры. Зима была настоящая, какъ слѣдуетъ. Ни одной гололедицы. Вотъ это я понимаю! Что ни слѣдъ — какъ чернилами отпечатано. Хоть читай да и только. И говорилъ вѣдь Джиму: „Эй не бери часы: не наше это дѣло“. Нѣтъ, взялъ таки себѣ на шею. Купилъ онъ ихъ у какого то стараго прощальги, и были они, надо сказать, мудреные: тутъ же заодно показывали и годъ и мѣсяцъ и число.

Сначала все шло хорошо. Я въ первый день принесъ что-то шкурокъ.. тутъ Смитъ сдѣлалъ небольшую паузу и такой видъ, какъ будто хотѣлъ сосчитать, сколько онъ принесъ шкурокъ. Потомъ, какъ можно болѣе равнодушнымъ тономъ, проговорилъ: Да шкурокъ полсотни принесъ!.. Опять пауза.. Ну, остальные понятнo меньше. Въ общемъ дѣло пошло здорово. Да будь я.. тутъ Смитъ вынулъ изорта трубку и плюнулъ въ сторону: Тьфу!.. если-бы мы не перебили къ лѣту все звѣрье въ Канадѣ.. Вотъ какой счастливый годъ выдался!

— И вотъ одинъ разъ, послѣ обѣда, Джимъ заявляетъ, что ужъ вечеръ и пора ложиться спать, тогда какъ мы всѣ были больше того мнѣнія, что день еще только на половинѣ. Къ часамъ. Сколько? Девять. И вѣрно вечеръ. Нечего дѣлать, давайте спать.

Ночь показалась что то больно коротка. На слѣдующій день — то же. По его -вечеръ, по нашему — полдень. Къ часамъ. Опять Джимъ правъ. Что ты будешь дѣлать?! Да такъ вотъ изо дня въ день и начали маяться: не успѣемъ на охоту собраться, — обѣдъ. Пообѣдали — вечеръ. Часы то, должно быть, разъ по восемь въ сутки стали оборачиваться; изъ каждаго сутокъ по недѣлѣ выкраиваютъ да и баста!

А въ серединѣ зимы Джимъ рѣшительно заявилъ, что пришло лѣто. Скоро снѣгъ начнетъ расплзаться и надо удирать. Едва успѣли къ „осени“ до перваго города добѣжать. Все, что лишняго было, дорогой побросали. Ни одной шкурки не вынесли. Смотримъ, зима. Вотъ те на!.. Стыдъ да и только!..

На слѣдующій годъ Джимъ опять собирается: возьмите да возьмите... „А часы оставишь?“ — „Зачѣмъ мнѣ ихъ оставлять? — „Нѣтъ, братъ, шалишь: тогда самъ оставайся!“ Не взяли...“ Разказчикъ умолкъ, подавленный нахлынувшими воспоминаніями. Слышалось время отъ времени лишь причмокиваніе, съ которымъ онъ сосалъ свою трубку. Стало тихо. „Ну, а дальше что же?“ спросилъ Гаррисъ. — „Дальше? Пошли мы... — „Нѣтъ, ты намъ лучше ужъ про Джима то доскажи, что съ нимъ было?“ — „Что съ нимъ было? Особеннаго ничего не было. Только поступилъ онъ сторожемъ на городскую башню, я ужъ право и не помню въ какомъ городишкѣ: сгорѣлъ этотъ городишко то лѣтъ пятнадцать тому назадъ... Первымъ долгомъ, башенные часы остановилъ и стрѣлки снялъ, а время сталъ по своимъ отжаривать. Вотъ потѣха то!

Частенько приходилось такъ, что Джимъ отбивалъ шесть часовъ утра ровно въ полночь. „Здорово, старина!“ кричалъ, открывая окошко, толстый башмачникъ, обращаясь къ своему пріятелю, живущему черезъ улицу, „что-то солнышко то сегодня опять запоздало.“ — „А что? — „Да какъ же? Вотъ уже шесть часовъ, а оно еще и не думало вставать...“ — Правильно, дружище, — отвѣчалъ второй, заколачивая шпильку — съ тѣхъ перъ, какъ Джимъ служить сторожемъ на городской башнѣ,

оно, насколько я помню, еще ни разу путем не вставало: знает, канальство, что Джимъ то ужъ не проспять!—А то, бывало, встрѣтятся двое. „Доброе утро, пріятель!“—Доброе утро, Буль!—„Куда это ты такъ спѣшишь?“—За булкой къ чаю. Да не знаю, успѣю, или нѣтъ сбѣгать до вечера.—„Ты то можетъ быть успѣешь: у тебя ноги длинныя, а я вотъ вчера такъ и не успѣлъ пообѣдать,“ печально заявляетъ Буль.

Не знаю, до чего дошло бы дѣло, если бы сумасшедшіе часы не застопорили въ одно прекрасное утро. Это такъ подѣйствовало на Джима,

что онъ тутъ же выскочилъ изъ окна и порядкомъ таки покалѣчился, бѣдняга. Сломалъ себѣ обѣ руки и обѣ ноги, раскололъ на двое черепъ, а всѣ мозги вытряхнулъ наружу. Послѣ этого онъ уже никуда не годился. Рѣшили его схоронить, да такъ, кажется и сдѣлали. А вѣдь какой славный былъ парень! Сунула же вотъ нелегкая завести часы, и съ тѣхъ поръ все пошло прахомъ!.. заключилъ разказчикъ, выбивая о каблукъ сапога потухшую трубку.

В. Яшинъ.

Дождь.

Вѣтеръ осенній сердить.
Дождь за окошкомъ твердитъ
Заклинанье свое монотонное.
Ночь и темна, и длинна.
Но постучалась весна
Въ мое сердце, такъ нѣжно влюбленное.

* * *

Свѣтель мой радостный взглядъ.
Мысли, какъ птицы, летятъ,
Измѣряются дни новой мѣрой
Пусть не свѣтло въ небесахъ.—
Сладко мечтать о глазахъ
Съ ихъ окраскою нѣжною, сѣрою.

* * *

Дивно подъ звуки дождя
Снятся они, и глядя
Въ небо ихъ, это небо бездонное,
Грежу я радостнымъ сномъ,
Хоть и звучитъ за окномъ
Заклинанье дождя монотонное ..

Татіана Б.

Анапесты любви,

Я люблю её грѣшной любовью земной
И что день-то ревнивѣй, больнѣй.
Пусть найдется, кто любить сильнѣй!
Пусть найдется—поспорить со мной!

Необъятная степь широка—
Еще шире любовь моя къ ней,
На разливѣ рѣка глубока—
Еще глубже любовь и нѣжнѣй,

Я люблю её грѣшной любовью земной
И что часъ-то ревнивѣй, больнѣй.
Выходи, если любишь сильнѣй,
Если смѣешь поспорить со мной!

Я всё думалъ, что темная ночь солгала.
Я всё ждалъ, что ты встанешь... Все ждалъ...
Стыла въ полѣ холодномъ осенняя мгла,
Да порывисто вѣтеръ рыдалъ...

...Дымъ кадильный уходитъ въ открытую дверь,
Воскъ слезится на вымытый полъ.
Я не плачу! Нѣтъ слёзъ у меня: я—какъ звѣрь,
Потревоженный въ логовѣ, золь!..

Ты ушла отъ ненастья и сумерекъ прочь —
Къ солнцу, въ свѣтлую сказку—страну.
Подожди: я съ тобой! Только темную ночь,
Да слѣпую судьбу прокляну!..

Тихо... Ночь... Теремъ спить. Смолкнуль шелестъ
въ саду.

Я не сплю... Я тревоженъ... Я жду...

Свѣтъ тайны луна, тополя серебрить,

На парчѣ, отливая, горить.

Въ этомъ бѣломъ гробу, ты, какъ будто блѣднѣй,

Ты, какъ будто ещё холоднѣй.

Точно мраморъ, заснули—застыли черги.

О, проснись же!.. Проснешься ли ты?!

Немигающій свѣтъ тополя серебрить.

Кто-то жутко—большой говоритъ:

„Не зови: не развѣять могильнаго сна,

Крѣпко—крѣпко заснула она...“

Завтра рано тебя, пока спячь въ терему,

Потихоньку съ собою возьму.

Знаешь лѣсъ? Помнишь сосны въ весѣломъ лѣсу?

„Вотъ туда я тебя унесу“.

На красивой, какъ сказка, полянѣ лѣсной

Схороню я тебя подь сосной,

И вѣнковъ наплету изъ зеленыхъ вѣтвей

Надъ печальной могилкой твоей.

И цвѣтовъ полевыхъ ароматныхъ нарву,

Положу въ изголовье траву,

А цвѣтами твой станъ уберу—обовью,

Погребальную пѣсню спою.

Д у м а.

Наша жизнь коротка, пролетает она незамѣтно.

Мигъ живешь, только мигъ, а за мигомъ крадется съ улыбкою Смерть и ловить холодной рукой, жадно зубами стуча и впадиной глазъ угрожая, то, что дорого намъ, то, что хочетъ любить, наслаждаться, бороться.

Мы не боремся съ ней...

Что можетъ сдѣлать съ всеильной и грозной Судьбою гордая воля и разумъ людей?

Правда, зовемъ мы царями природы другъ друга. Правда, пытаемся въ бой съ ней вступать и рѣдко, но все же нѣтъ—нѣтъ и сорвемъ часть завѣсы, скрывшей отъ взоровъ пытливыхъ и мыслей упорныхъ и смѣлыхъ край неизвѣстныхъ законовъ, край о которомъ мы знаемъ по нашимъ твореньямъ, но отдаленный и скрытый Судьбою отъ насъ.

Близокъ, далекъ-ли тотъ часъ, когда геній ума человѣка ясно постигнетъ Нирваны покой и законы тайныхъ, невѣдомыхъ намъ веленій Судьбы и гордо, какъ царь, покорить ея волю волѣ своей и душу бессмертную въ тѣлѣ здоровомъ удержать.

Вѣрю, настанетъ тотъ мигъ, мигъ избавленья отъ тьмы и невзгоды, мигъ, когда люди, уставши отъ жизненныхъ дрязгъ и разврата, сдернутъ завѣсу съ ума и, просвѣтленные ясными знанья лучами, библии Рай легендарный на землю вернутъ и вѣчная, полная счастья, блаженная жизнь воцарится.

Какъ человѣкъ этой цѣли конечной достигнетъ, какъ онъ поборетъ законы Судьбы мнѣ не узнать...

Не родился тотъ геній и люди, кичася могучею властью природы царей, гнутся подъ игомъ закона минуты.

Мигъ для нихъ жизнь наслажденье и горе.

Мигъ, а за мигомъ и Смерть, а за Смертью Нирвана.

Родился, живу наслаждаясь мигомъ, помру и не будетъ меня.

Но хочу, чтобы звуки весны надъ могилой моей раздавались, и солнце на небѣ глубокомъ лучами своими играло, пѣсню любви въ перелѣскѣ окутанномъ мглою пѣлъ соловей, а эхоту пѣснь, разнося по угорьямъ и темному бору, къ могилѣ моей приносило.

Я хочу, что бѣ по смерти моей холмъ могилы ласкалъ вѣтерокъ, стаи птицъ пролетали надъ ней, что бы зори ее освѣщали и, солнце всходя, преломляло лучи въ капляхъ росы, пріютившихся въ зелени травъ.

Я хочу... но что толку желать и хотѣть?!

Вѣдь не будетъ меня, а со мною и мѣръ, существуя, какъ нынѣ, красою своею чаруя смѣнившихъ меня, мѣръ, который такъ близокъ и дорогъ при жизни, съ которымъ такъ жалко и больно расстаться—исчезнетъ...

А душа?

Гдѣ то будетъ она?

Прилетитъ ли провѣдать жилище, служившее нѣкогда Адомъ и Раемъ ея?..

Прилетитъ ли провѣдать оставленный храмъ?

Хр. Бѣлозеровъ.

Министръ

Б А С Н Я.

Въ дѣлахъ и ревностенъ и быстръ,
Рутины врагъ опасный,
Простой въ рѣчахъ, въ бумагахъ краткій, ясный,
Жилъ—былъ одинъ министръ.

Къ нему спѣшилъ и старъ и младъ
За помощью—совѣтомъ,

Бывалъ онъ всѣмъ ужасно радъ,

И въ сердцѣ, ласкою согрѣтомъ,

Всякъ находилъ себѣ пріютъ

И зналъ, что силы его, трудъ

Всегда получаютъ примѣненье,

А нужды—справедливое рѣшенье.

Мнѣ скажутъ: вздоръ, такихъ министровъ нѣтъ

Иль, можетъ быть, одинъ на цѣлый свѣтъ...

Согласенъ я,—но сколь сіе печально:

Что быть должнò и что нормально,

То кажется намъ прямо чепухой—

Мы свыклись съ мерзостью людской!

А. Стрѣшневъ.

ЖИЗНЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Объ организаціяхъ „Сѣвернаго Гуслияра“.

Какъ-же вело себя другое, молодое учрежденіе—Касса Взаимопомощи Студентовъ Петрогр. Полит. Инстит.? Только въ этомъ году оно праздновало свое десятилѣтіе. Но скажите, знаете ли вы учрежденіе, поставленное болѣе блестяще! Правда, вліяніе его на студенческія массы духовное—ничтожно, его даже можно отрицать. Лишеніе номинальное (но не фактическое) права экспертизы, и неудачи въ хлопотахъ о полученіи столовой благодаря вялой поддержкѣ студентовъ—факты въ этомъ отношеніи показательные, имѣющіе глубокое основаніе въ способѣ студ. представительства въ кассу. Однако коммерческое значеніе извѣстно всей учащейся молодежи и признано и студ. политехниками. Но и работа, совершенная на протяженіи 9 лѣтъ—громадна. Ведя за собой старѣйшія однотипныя учрежденія, оно поставило свои предпріятія на громадную высоту, не огравичиваясь традиціей, оно основывало учрежденія, неизмѣнныя примѣра, а иногда и до сихъ поръ не нашедшія подражанія. При кассѣ впервые основана портняжная и сапожная мастерскія, имѣется баня и парикмахерская, и только прошлой весной касса открыла гастрономическій магазинъ внѣ стѣнъ Ин—та. Читая отчеты кассы *) убѣждаешься, что даже при теперешней громадной доходности предпріятій (не говоря о ихъ громадномъ удобствѣ и пользѣ для покупателей) эти доходы

находятся только въ періодѣ сильнаго *первоначальнаго* роста и обѣщаютъ также рост и впредь. Прибыль предпріятія съ 5753 руб. въ 190^{8/9} г. возрасла до 10468 въ 19^{11/12}, т. е. за 4 года почти вдвое. Правда, такое возрастаніе не дается даромъ. Изъ отчета Центр. Кассы Взаимопом. мы видимъ, что въ 19^{11/12} году капиталъ предпріятій былъ увеличенъ на 4665 руб., въ 19^{12/13} году на 6421 рубль и къ началу 19^{13/14} года съ отчисленіями прошлыхъ 7 (семи) лѣтъ составилъ 46627 руб. 64 коп. Какъ видно изъ отчета, только при помощи увеличенія капитала можно достигнуть расширенія предпріятія и увеличенія прибыли. (Еще недавно касса была въ такомъ положеніи, что одна фабрика отказалась, даже за наличныя, продать лавочкѣ кассы партію галошъ!)

Если дѣла кассы будутъ идти такимъ же темпомъ, то уже въ скоромъ времени мы будемъ свидѣтелями, какъ при поддержкѣ уже окрѣпшихъ 3-въ и вкладовъ ихъ членовъ, оснуется первый „Студенческій домъ“.

Какіе же выводы изъ всего предшествующаго? Какъ признаетъ и „Студентъ“, „отсутствіе средствъ играло главную роль въ неосуществленіи этого проекта“ (постройки „Студенческаго Дома“). Такъ старайтесь собрать и удержать эти средства въ своихъ рукахъ. Хотя наши предшественники и киваютъ на насъ головой и качаютъ ею съ укоризной, но кто это устроилъ, что по ихъ заемнымъ письмамъ ничего нельзя получить, что заемныя письма *ихъ товарищей* на десятки и сотни тысячъ лежатъ безъ надежды быть оплаченными. Въ кассѣ политехниковъ сумма по неоплаченнымъ заемнымъ письмамъ за 9 лѣтъ выросла въ 41 тысячу и обѣщаетъ

*) „Отчетъ Студенческой Кассы Взаимопомощи при Петроградскомъ Политехническомъ Институтѣ Императора Петра Великаго за 1912—1913 г.“ и за 1911—1912 г. Петроградъ. 1914, 1913. Бесплатно.

рости дальше. Что дѣлается въ обществѣ вспомошествов. студ. университет. и другихъ уч. заведеній и землячествахъ, знаетъ тоже не только Богъ.

Сомнѣваться въ жизнеспособности землячества тоже нѣтъ оснований. Рядъ цифръ, приведенный К. Логиновымъ въ № 4 журнала, показывающій постепенное уменьшеніе доходовъ съ вечеринокъ N—аго землячества, совершенно случаенъ.

Вѣрите, что неуспѣхъ вечеровъ зависитъ отъ состава и качества устроителей. Отчетъ кассы политехниковъ говоритъ, что „за рядъ послѣднихъ лѣтъ цифра эта (дохода съ бала) отличалась нѣкоторымъ постоянствомъ и нѣтъ никакихъ оснований надѣяться на возможность крупнаго роста ея въ будущемъ. „Херсонское землячество въ отчетѣ о вечерѣ 1913 года пишетъ, что переходъ, сдѣланный въ предшесвующемъ году отъ студенческаго вечера въ узкихъ рамкахъ, къ типу общехерсонскаго бала, встрѣтилъ со стороны проживающихъ въ Петроградѣ херсонцевъ симпатичное и отзывчивое отношеніе. Въ отчетѣ о балѣ 1914 года, Херсонское землячество „считаетъ долгомъ отмѣтить, что оно не обманулось въ надеждѣ встрѣтить прежнее благожелательное отношеніе херсонцевъ“.

Чистая прибыль съ перваго вечера составила 512 рублей, а со втораго 1.301 р. 50 к.

Тожe самое мнѣ приходилось наблюдать на жизни трехъ другихъ землячествъ, причемъ, если сборъ колебался, то исключительно въ зависимости отъ усердія и умѣнія устроителей и имѣлъ твердую тенденцію повышаться, даже болѣе: въ прошломъ году на протяженіи мѣсяца общимъ землячествомъ и конкурирующимъ съ нимъ филиаломъ въ однихъ и тѣхъ-же залахъ были устроены два бала. При этомъ оказалось, 1) что обращались въ силу необходимости къ одной и той же публикѣ, 2) что филиалъ выступалъ на этомъ поприщѣ впервые, 3) что сборъ съ cadaго изъ баловъ превысилъ бывшіе за послѣдніе 5 лѣтъ, 4) что сборъ чистый и валовой, въ особенности, съ бала, устроеннаго филиаломъ и бывшаго послѣ общеземляческаго, превысилъ на много сборъ съ послѣдняго.

Итакъ общество не только не противъ насъ, общество съ нами. И „Студентъ“, и К. Логиновъ указываютъ въ своихъ статьяхъ на абсентеизмъ какъ на одно изъ доказательствъ краха земляческой идеи. Однако „мертвыя души“ въ землячествѣ являются слѣдствіемъ не внутреннихъ

свойствъ, з-ва, а внѣшнихъ причинъ. И если это такъ, значитъ не идеи землячества перестали привлекать, а внѣшнія причины насъ затрудняютъ или дѣлаютъ невозможнымъ достиженіе поставленныхъ задачъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить расцвѣтъ земляческой жизни въ періодъ до 1909 года и упадокъ этой жизни послѣ 9 года, какъ не мѣрами лишающими возможности достигнуть второй, самой существенной цѣли землячества—духовнаго общенія. Старые студентъ еще помнятъ то время, когда при каждомъ учебномъ заведеніи можно было созвать собраніе земляковъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Такія собранія даже въ періодъ упадка общественнаго настроенія были всегда многочисленны и полны захватывающаго интереса. Тогда не жаловались на безлюдіе.

Послѣ 1909 года такія собранія были запрещены повсемѣстно, землячества загнаны въ свои учебныя заведенія, а въ Москвѣ и вовсе выкинуты на улицу. Начинается періодъ распала и упадка. Изъ землячествъ, объединяющихъ учащихся всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ продолжать нормальную жизнь только тѣ, которыя достаточно богаты, чтобы обзавестись своимъ помещеніемъ для собраній и проч., но и для нихъ жизнь по правиламъ 4 марта покажется нѣсколько иной. Что же говорить о тѣхъ землячествахъ, у которыхъ не было достаточныхъ средствъ. Духовная взаимопомощь становилась фикціей, земляки, нуждаясь хоть въ какомъ нибудь общеніи, организовались при своихъ учебныхъ заведеніяхъ. При большихъ учебныхъ заведеніяхъ это имѣло кое какой смыслъ и общеніе могло принести дѣйствительную пользу, въ малыхъ это явленіе принимало характеръ „варенія въ собственномъ соку“. Этотъ маленькій набросокъ легко объяснить, почему члены бѣгутъ изъ своего землячества.

Къ сожалѣнію, дѣйствительно не только бѣглецы члены землячества, но и члены комитета часто не понимаютъ истинныхъ цѣлей з-ва. Дѣйствительно, въ з-вѣ сознательно и идейно работаетъ 10—15 человекъ; но тѣмъ большая на нихъ лежитъ отвѣтственность. *Saveant consules!* Берегите свое знамя съ тѣмъ, чтобы быть готовыми и приготовить новыя возможности. Часто такіе члены должны обладать большою способностью къ самопожертвованію, готовностью пойти и самому показать на примѣръ, какъ и для чего нужно работать. Нашъ журналъ

даетъ возможность сговориться, столкнуться, координировать свои дѣйствія. и дѣятели студенческихъ организацій должны всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы ни одно полезное начинаніе не осталось неизвѣстнымъ, чтобы все, что служить единой цѣли, получало наибольшее распространеніе. Помните, что при политехникумѣ землячествъ 60—70, при университетѣ около 100. Одни президіумы съ ревизіонными комиссіями составятъ 1700—2000 человѣкъ. А работа разумная, къ общей цѣли работа 2000 человѣкъ не можетъ не дать результатовъ. Какой-то ученый говоритъ, что всѣ завоеванія человечества дѣлаются благороднымъ его меньшинствомъ. 50000 учащихся высш. уч. зав. города Петрограда ждетъ, чтобы благородное меньшинство вывело ихъ на дорогу.

Не забывайте, что помимо высококультурныхъ запросовъ человѣческаго духа, у насъ есть потребность болѣе семейнаго свойства, и потребности, порождаемая единствомъ происхождения, языка, культуры создающія явленія такъ называемаго мѣстнаго патриотизма — эти потребности, пока существуютъ причины ихъ порождающія, могутъ удовлетворяться только въ специальной родной обстановкѣ, которую и можетъ дать — землячество. Другая цѣль землячества — это воспитать гражданина и общественнаго дѣятеля. Наименѣе важная — удовлетворять экономическимъ нуждамъ студенчества сеудами. Но цѣль удовлетворенія экономич. нуждъ студенчества можетъ быть поставлена во главу угла и тогда умѣстно появленіе проекта организаціи, принципъ которой — общеобязательный трудъ.

Такія организаціи выливались въ формы бюро труда, но не имѣли успѣха. Гораздо удачнѣе форма, въ которую вылились новыя студ. организаціи въ формѣ трудовой артели. Пока организована артель по распространенію журнала, напрашивается сама собой организація электромонтеровъ, трамвайныхъ мастеровъ, чертежниковъ, репетиторовъ и проч., съ тѣмъ отличіемъ отъ бюро труда, что артель потребуетъ гарантіи и даетъ гарантіи въ умѣннн дѣлать взятое дѣло. Журналъ „Сѣверный Гуслиаръ“ можетъ ко всѣмъ этимъ организаціямъ относиться какъ товарищъ — сотрудникъ, помогающій и работающій гдѣ можно на общую пользу. Но онъ не долженъ быть одностороннимъ, онъ не долженъ забывать, что если обязанъ своимъ быстрорастущимъ тиражемъ энергіи своей артели, то также и тѣмъ

интересамъ, которые онъ задѣлъ съ первыхъ же №№. Эти интересы я назвалъ-бы культурно-эстетическими. Чему обрадовались авторы писемъ въ редакціи, — освобожденію отъ партійщины. Дальше отъ партій, меньше партійныхъ разговоровъ. Помимо студента, помимо нуждающагося или состоятельнаго человѣка, въ насъ живетъ еще культурный человѣкъ съ культурными и эстетическими интересами. Кто читаетъ въ бібліотекахъ отъ Карамзина до Сѣверянина, кто наполняетъ галерки, кто дежуритъ подъ дождемъ и не былъ готовъ ради билета въ театръ, на концертъ, пропуститъ лекцію и диспутъ. Мы, мы, и въ особенности мы. Что сдѣлало студенчество для организацій удовлетворенія этихъ особенно острыхъ и справедливыхъ въ нашемъ возрастѣ запросовъ, ничего или почти ничего. Цѣль „Сѣвернаго Гуслиаръ“ новая, другая и совсѣмъ особая отличающаяся отъ артельныхъ и земляческихъ; цѣль эта состоитъ въ организаціи удовлетворенія именно этихъ культурно-эстетическихъ потребностей студенчества. Но эта тема слишкомъ грандіозная, и притомъ я не рѣшаюсь такъ забѣгать впередъ; подождемъ, что скажетъ товарищъ по журналу, „Студентъ“.

И. Боканчи.

Петроградскіе сельско-хоз. курсы.

Въ жизни нашихъ курсовъ чувствуется пустота, оттого ли, что многіе товарищи уѣхали, какъ обязанные, на войну и обучаются, какъ ратники, въ войскахъ, или та разобщенность въ средѣ студенчества, какая является теперь обычнымъ явленіемъ, сыграла свою роль. Чувствуется пустота. — Пустота духовная. Какъ всегда, идутъ нескончаемые разговоры между небольшими группками студентовъ о количествѣ сланныхъ зачетовъ и о томъ, кто и что готовить; говорятъ о возможномъ призывѣ ратниковъ 2 разряда, сокрушаются, спорятъ, и не хотятъ вѣрить въ это. Шумятъ и дѣлаютъ „жизнь“ первокурсники, для которыхъ еще пока все ново и лекціи интересны, несмотря на то, что гг. профессора и лекторы не умѣютъ заинтересовать и привлечь къ себѣ остальное студенчество. Изъ года въ годъ студентъ становится угрюмѣе, серьезнѣе, — цѣлый ворохъ зачетовъ и экзаменовъ не особенно веселитъ. Сидитъ

онъ пятый, шестой годъ--все сдаетъ, сдаетъ и все еще много нужно сдавать. Нужда его гонитъ во всѣ концы имперіи, чтобы заработать и заплатить за право числиться слушателемъ и сдавать экзамены. Ёдетъ онъ работать по статистикѣ, то на обследованіе молочнаго скота, то на борьбу съ вредителями, время идетъ, годъ проходитъ, а онъ еще не заработалъ и на полгода жизни въ столицѣ, гдѣ проживаетъ, по просту—безъ затѣй, его alma mater. Рѣдко, но все же замѣтно и сильно вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ интеллектуальную жизнь студента два-три научныхъ кружка. Такъ было недавно на рефератахъ о Л. Н. Толстомъ, гдѣ три товарища произвели своими докладами глубокое и многозначительное впечатлѣніе на густо—на-

битую аудиторію. Проходить время и опять наступаетъ та же безразличность. Существуетъ недавно организованный фондъ помощи жертвамъ войны. Входятъ представители въ общестуденческую комиссію о раненныхъ. Обязало себя студенчество ежемѣсячнымъ отчисленіемъ нѣсколькихъ копѣекъ въ пользу раненныхъ, а вноситъ только $\frac{1}{8}$ общаго числа слушателей и слушательницъ. Вносятъ, конечно, идейное студенчество, а остальное отсутствуетъ и не „знаетъ“ о постановленіи, или они не „голосовали“ и не считаютъ для себя эти „поборы“ обязательными.

В. В. Шалберовъ.

Письма въ редакцію.

М. Г.

Господинъ Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее.

Ново-Нарвское землячество въ цѣляхъ принести и свою лепту на алтарь отечества,—выказать посильную помощь, и чѣмъ-нибудь проявить свою горячую любовь къ нашимъ доблестнымъ героямъ, устроило 22 ноября с. г. концертъ въ г. Нарвѣ, на весь чистый доходъ съ котораго землячествомъ пріобрѣтены теплыя вещи для нижнихъ чиновъ мѣстнаго полка и отправлены на передовыя позиціи.

Приходъ:

Выручено отъ продажи билетовъ	323 р. — к.
Выручено отъ продажи программъ	24 „ 55 „
Пожертвовано	— „ 30 „

Итого 347 р. 85 к.

Расходъ:

Артистамъ, аккомпаниатору и расходы устроителей	135 р. 30 к.
Объявленія, программы и билеты	26 „ — „
Украшеніе зала	5 „ 10 „
За помѣщеніе и рояль	25 „ — „
Благотворительный сборъ	18 „ 01 „

Итого 209 р. 41 к.

Чистый доходъ 138 р. 44 к.

Предсѣдатель М. Кесслеръ.

Казначей К. Канперъ.

Отвѣтственный редакт.-издатель *Александръ Васильевъ.*

Тип. М. Квара, Петр. Лит. 33.

1 р. 90 к.

Безъ доставки.

Восьмой годъ издакiя

— Н О В Ы Й —

2 р. 20 к.

Съ дос. и перес.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО
въ объемѣ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ особое вниманiе обращено на: 1) **ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ**, вести который будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кладо (Прибой) и 2) **ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ**, подъ руководствомъ пом. хран. музеевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальн. рисунк., фотограф., виньетками карикатурами.

ДЛЯ КАЖДАГО НОМЕРА БУДЕТЪ ДАВАТЬСЯ НОВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОБЛОЖКА.

Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленiя общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы беллетристик., научно-популярн., критич. и худож.

Подписчики получаютъ по окончанiи войны Карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ въ краскахъ.

ПРОБНЫЙ НОМЕРЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ 10 К. МАРКИ.

Подписная цѣна: съ перес. **2 р. 20 к.**, на $\frac{1}{2}$ г. — 1 р. 20 к. Безъ
на годъ — **2 р. 20 к.**, дост. на 1 г. — 1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священник., рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к. при подпискѣ,
80 к. къ 1 марта и 60 к. къ 1 июля.

— АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕВОДОВЪ: —

Контора и Редакцiя: ПЕТРОГРАДЪ, Эртелевъ пер. (близъ Жуковской), д. 3. Телеф. 107-88.

Редакторъ-Издатель А. Боане-Яворовская.

А. ГАНГЕЛИНА

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНИЯ ЧАЙКОВСКАГО

(въ стихахъ). 90 книгъ пожертвованны въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ, продаются въ конторѣ журнала „Сѣверный Гуслиарь“ Цѣна 50 коп.

Н. В. СЕВАСТЬЯНОВА.

PRIMA CARMINA

(тридцать пять стихотворенiй).

100 книгъ пожертвованны съ той-же цѣлью, продаются тамъ-же.

Цѣна 30 коп.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работѣ по распространенію журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи.

Просимъ г.г. подписчиковъ деньги посылать на имя редактора А. А. Васильева.

Ж. А. Росжицкій. Повѣсть о моей любви.

Стихи, ц. 50 коп.

— Складъ изд. книж. маг. В. О. Средній, 9. —

О Т З Ы В Ы:

„Нѣжная, проникнутая истиннымъ чувствомъ, книга“ (Альманахъ, № 1).

„Есть что-то въ этой „исторіи любви“ не позволяющее бросить, не дочитавъ до конца и тотчасъ забыть эту книжку,“ (Волжское Слово).

„Стихи почти всѣ написаны недурнымъ размѣромъ“ (Южное Слово).